
Аксель Панцер
Под чёрным крестом
Том 7
Книга четвёртая
Последняя присяга
Часть четвёртая
Последний магистр

Аксель Панцер

Под черным крестом. Том 7. Книга 4. Часть 4. Последняя присяга. Последний магистр.

«Автор»
2026

Панцер А.

Под черным крестом. Том 7. Книга 4. Часть 4. Последняя присяга. Последний магистр. / А. Панцер — «Автор», 2026

Тевтонский орден пережил разгром, но сумеет ли пережить мир? После Тринадцатилетней войны он теряет земли, столицу и независимость. В Кёнигсберге великие магистры пытаются удержать власть, которой больше не хватает ни денег, ни рыцарей, ни союзников. Присяги требуют отказаться от старых убеждений, а каждый политический выбор оборачивается чужой судьбой. На пороге Реформации Альбрехту Бранденбургскому предстоит принять решение, которое изменит Пруссию навсегда. Но пока короли и князья делят будущее страны, писари, купцы, крестьяне и орденские братья пытаются сохранить то, что не измерить золотом и границами: дом, память, верность близким. «Последний магистр» — заключительная часть исторической эпопеи «Под чёрным крестом». Это роман не только о конце рыцарского государства, но и о людях, которым придётся жить после него. Что останется от чёрного креста, когда исчезнет прежний мир?

© Панцер А., 2026
© Автор, 2026

Аксель Панцер
Под черным крестом. Том 7. Книга 4. Часть 4. Последняя присяга. Последний магистр.

АКСЕЛЬ ПАНЦЕР
ПОД ЧЁРНЫМ КРЕСТОМ
ТОМ 7
КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ
ПОСЛЕДНЯЯ ПРИСЯГА
Часть четвёртая
ПОСЛЕДНИЙ МАГИСТР
Главы 49–64 и эпилог
СОДЕРЖАНИЕ

Глава 49. Государство без столицы 3
Глава 50. Польская корона 45
Глава 51. Смерть великого магистра 80
Глава 52. Наместник 112
Глава 53. Мартин Трухзес 144
Глава 54. Цена союза 179
Глава 55. Перед королём 214
Глава 56. Право не присягать 248
Глава 57. Альбрехт 291
Глава 58. Император и король 327
Глава 59. Последняя война Ордена 359
Глава 60. Четыре года 402
Глава 61. Монах из Виттенберга 441
Глава 62. Последняя присяга 473
Глава 63. Самбийский сентябрь 515
Глава 64. Два знамени 567
Эпилог. Крест остаётся 593

Глава 49. Государство без столицы

Кёнигсберг — Самбия — восточные владения Ордена. Ноябрь 1466 — начало 1467 года.

В Кёнигсберге первый снег выпал раньше, чем успели закончить осенние работы. Ночью он покрыл крыши тонким белым слоем, а к полудню превратился в грязную воду, стекавшую с черепицы на мостовую. Возле замковых ворот образовалась глубокая лужа. Повозки объезжали её по самому краю дороги, задевая колёсами каменные тумбы, и караульным приходилось то и дело отгонять от ворот мальчишек, пытавшихся заработать несколько пфеннигов, помогая возницам проводить лошадей через разбитый участок.

В прежние годы за состоянием замковой дороги следили исправно. Теперь никто не мог установить, кому именно надлежало её чинить. Городские власти считали, что участок принадлежит замку, замковые служители ссылались на город, а казначей Ордена уже дважды откладывал расходы на ремонт, поскольку деньги требовались для более неотложных дел.

Утром к воротам подъехала телега с шестью бочками солонины. Заднее колесо провалилось в размокшую колею, повозку перекосило, и одна из бочек, сорвавшись с крепления, ударилась о камень. Деревянный обруч лопнул. Из-под крышки потекла мутная солёная вода.

Возница, пожилой человек с красными от холода руками, долго стоял над испорченным грузом. Потом медленно снял шапку, вытер ею лицо и посмотрел на замковые стены.

— Тринадцать лет возил сюда припасы, — произнёс он, обращаясь неизвестно к кому. — За войну ни одной бочки не потерял. А теперь мир наступил — и пожалуйста.

Молодой караульный рассмеялся, но его старший товарищ не поддержал веселья. Он помог вознице поставить бочку на место и отправил мальчишку за плотником.

Из окна верхнего этажа за происходящим наблюдал Генрих Линде.

Он вернулся в Кёнигсберг после завершения мирных переговоров и уже несколько недель работал в орденской канцелярии. В Торне ему пришлось заниматься бумагами о возвращении пленных, подтверждении долгов и передаче имущества. Здесь его ожидали те же дела, только теперь они были связаны с землями, оставшимися у Ордена.

Пока люди вытаскивали телегу из колеи, Генрих перебрал письма, принесённые с утра. В одном селении не могли поделить покос, в другом вдова требовала вернуть корову, взятую за долг её покойного мужа. Два купца оспаривали сбор на дороге, которым каждый из них пользовался прежде без платы. Генрих разложил прошения по срочности, но положить одно поверх другого так и не решился: за каждым стоял человек, которому ждать было уже нечего.

Крестьяне требовали вернуть поля, занятые военными постоями. Мельники просили восстановить плотины. Купцы жаловались на поборы, сохранившиеся на дорогах после прекращения военных действий. Бывшие наёмники предъявляли расписки о невыплаченном жалованье. Вдовы добивались подтверждения прав на землю, которой прежде владели их погибшие мужья.

Нередко два прошения касались одного и того же имущества, а документы, способные разрешить спор, находились в Мариенбурге или в городах, перешедших под власть польской короны.

Генрих отошёл от окна и вернулся к столу. Перед ним лежало письмо из одного из самбийских селений. Там просили разрешить спор о мельничном луге. Прежний владелец погиб на войне, его старший сын несколько лет служил в гарнизоне, а землю тем временем обрабатывала соседняя семья. Оба хозяйства предъявляли основания для владения.

Составить ответ оказалось труднее, чем Генрих предполагал. Прежняя запись о пожаловании находилась в замковой книге, которую ещё до потери Мариенбурга отправили на запад для сверки. После войны её след затерялся.

Готфрид, работавший у соседнего стола, заметил, что Генрих уже второй раз перечитывает одно и то же письмо.

— Не сходится?

— Сходится всё, кроме главного.

Генрих передал ему лист. Готфрид прочитал прошение, затем заглянул в приложенную выписку.

— Можно запросить свидетельства соседей.

— Можно. Только старший из названных свидетелей умер четыре года назад, а второй живёт теперь по другую сторону границы.

— Значит, придётся ждать.

Генрих не согласился.

— Они и так ждут третью зиму. Если оставить всё без решения, весной снова начнут драться за покос.

Готфрид вернул письмо.

— А если решить неправильно?

Генрих не ответил сразу. Когда-то подобный вопрос показался бы ему рассуждением слишком осторожного человека. Теперь он достаточно хорошо знал цену распоряжениям, написанным уверенной рукой.

Он взял чистый лист и начал составлять запрос сельскому старосте. До окончательного установления прав следовало оставить землю в совместном пользовании, определив порядок

покоса и обязательства обеих семей. Это не устраивало ни одну из сторон полностью, но позволяло избежать нового разорения.

Покончив с письмом, Генрих отложил его к остальным.

— Мариенбург нам очень нужен, — неожиданно произнёс Готфрид.

— Зачем?

— Там хотя бы знали, где искать старые книги.

Генрих посмотрел на длинные полки, заставленные связками бумаг. Часть книг привезли из западных владений, часть переписали уже здесь, многие оставались неполными.

— В Мариенбурге тоже не всё знали, — ответил он. — Просто там было больше людей, которым можно было задать вопрос.

Готфрид улыбнулся, но Генрих не разделил его веселья. Он вспомнил огромные помещения прежней орденской канцелярии, широкие столы, тяжёлые шкафы, десятки служителей, каждый из которых отвечал за свой круг дел. В Кёнигсберге бумаги размещались в нескольких комнатах, а некоторые приходилось переносить из помещения в помещение, освобождая место для новых.

Утрата Мариенбурга произошла почти десять лет назад. Сначала Генрих, как и многие другие, думал, что Орден вернётся туда после очередного успешного похода. Затем надежда стала делом привычки. Теперь существовал договор, подтверждавший принадлежность замка польской короне.

Считать Мариенбург временно утраченным больше не имело смысла.

Однако привычка оказалась удивительно живучей. В некоторых орденских распоряжениях до сих пор встречались слова о возвращении документов в главную канцелярию Мариенбурга. Молодые писари переписывали их из старых образцов, не задумываясь, что отправлять бумаги уже некуда.

Генрих взял одну из таких заготовок, перечеркнул ненужную строку и вписал Кёнигсберг.

Работа заняла несколько мгновений. Но, поставив перо, он ещё некоторое время смотрел на исправленный лист.

Великий магистр Людвиг фон Эрлихсхаузен не любил комнат, в которых ему приходилось теперь работать.

Дело было не в тесноте. Кёнигсбергский замок располагал достаточно просторными покоями, а с тех пор, как сюда перенесли главные орденские учреждения, для великого магистра освободили несколько помещений, прежде принадлежавших маршалу Ордена. Здесь имелась часовня, находились хозяйственные службы, работали управляющие.

Но Людвиг помнил другое.

Он помнил Мариенбург.

В его памяти замок оставался не просто крепостью, построенной из красного кирпича. Там каждое помещение занимало определённое место в сложном порядке орденской жизни. Дворы, переходы, трапезные, покои должностных лиц, архивы, оружейные кладовые, конюшни — всё было связано между собой не только стенами, но и привычным распорядком.

В Мариенбурге великий магистр редко задумывался о том, почему тот или иной служитель находится именно в этой комнате, а не в соседней. Здесь это приходилось выяснять постоянно.

Несколько дней назад двое братьев Ордена поспорили из-за помещения, предназначенного для хранения хозяйственных книг. Один считал его частью казначейства, другой требовал передать под нужды канцелярии. Спор дошёл до самого Людвига, потому что никто не решился уступить.

В другое время великий магистр сурово наказал бы обоих за неспособность самостоятельно решить столь незначительный вопрос. Теперь он распорядился разделить помещение деревянной перегородкой.

Плотники взялись за работу, но на следующий день выяснилось, что для установки полок не хватает досок.

Людвиг выслушал сообщение молча.

— Купите, — сказал он наконец.

Казначей Маттиас, стоявший перед ним с раскрытой книгой, осторожно заметил, что на ближайшие дни уже распределены почти все наличные деньги.

— Сколько стоят доски?

Маттиас назвал сумму. Людвиг с раздражением отодвинул лежавший перед ним документ.

— Неужели в Ордене не осталось средств даже на несколько досок?

— Доски есть, ваша милость. Деньги тоже найдутся. Но если мы заплатим сегодня плотникам, придётся задержать выдачу хлеба служителям у восточных ворот. А они уже дважды получали меньше положенного.

Великий магистр поднялся из кресла.

Маттиас опустил глаза к книге, ожидая вспышки гнева. За годы службы он хорошо изучил характер Людвига. Тот редко переносил возражения спокойно, особенно когда речь шла о недостатке средств.

Но великий магистр лишь прошёл к окну.

За стеклом виднелся внутренний двор. Два человека разгружали с повозки мешки с зерном. Неподалёку стоял молодой рыцарь в белом плаще, наблюдавший за работой. Из конюшни доносилось ржание лошадей.

— Сколько человек теперь получает содержание от замка? — спросил Людвиг.

Маттиас назвал число служителей, не считая временных работников и людей, находившихся при отдельных хозяйственных учреждениях.

— А сколько мы можем содержать без новых долгов?

Казначей помедлил.

— Если поступления останутся такими же, как в последние месяцы, значительно меньше.

Людвиг повернулся.

— Назовите число.

Маттиас назвал. Великий магистр некоторое время смотрел на него.

— Значит, половину этих людей нужно отправить прочь?

— Не половину, ваша милость. Часть можно перевести в другие владения. Некоторым следует предоставить содержание землёй. Но прежде нужно установить, какие земли действительно свободны.

— А если свободных нет?

— Тогда придётся искать иной порядок.

Людвиг вернулся к столу. За последние месяцы он слышал это выражение слишком часто. Иной порядок требовался для войска, для сбора доходов, для отношений с городами и для самой жизни Ордена. Но каждый новый порядок сталкивался с людьми, привыкшими к старому.

— Созовите совет, — распорядился он. — Хочу видеть сведения обо всех оставшихся владениях. Не приблизительные, а такие, по которым можно принимать решения.

Маттиас закрыл книгу.

— Для этого потребуется время.

— Начните сегодня.

Казначей поклонился и вышел. Людвиг остался один.

На стене напротив его кресла висел деревянный крест. Он был небольшим, без украшений, потемневшим от времени. Его привезли вместе с некоторыми вещами из Мариенбурга, и Людвиг сам приказал поместить здесь.

Крест напоминал о назначении Ордена, которое не зависело от размеров владений и состояния казны.

Но великий магистр всё чаще ловил себя на том, что смотрит не на него, а на карту.

Она лежала на отдельном столе, прижатая по углам тяжёлыми металлическими грузами. Старые обозначения границ ещё не успели исправить полностью. На карте оставались владения, которых Орден больше не имел, дороги, проходившие теперь через земли польской короны, и крепости, к которым нельзя было послать гарнизон без разрешения новых властей.

Людвиг провёл пальцем вдоль Вислы. Когда-то эта река соединяла важнейшие владения Ордена. Теперь значительная часть её течения находилась за пределами его власти.

Он остановился на Мариенбурге, обозначенном маленьким рисунком крепости.

Потом накрыл изображение ладонью.

Карта не изменилась. Но теперь под рукой не было видно замка, где прежде принимались решения, определявшие жизнь огромной страны.

Через несколько дней в Кёнигсберг прибыл купец из Данцига.

Его звали Мартин Краузе. За годы войны он привык к опасным дорогам, проверкам груза, задержкам у застав и бесконечным разговорам о деньгах. Он не рассчитывал, что мир избавит его от всех этих неприятностей, но надеялся хотя бы перестать опасаться вооружённых отрядов, которые могли в любой момент остановить повозку и объявить имущество военной добычей.

Теперь вместо солдат ему встречались сборщики пошлин.

На одной дороге требовали предъявить городской пропуск, на другой проверяли происхождение товара, на третьей выясняли, имеет ли он право пользоваться прежней торговой льготой. Старые документы признавали не везде. Новые ещё не успели получить достаточной силы.

Мартин ехал с небольшим обозом, в котором находились ткани, железные изделия, соль и несколько ящиков с дорогими заморскими товарами. Часть груза предназначалась кёнигсбергским торговцам, часть он собирался обменять на воск, кожи и зерно.

У последних ворот его задержали дольше обычного.

Служитель, проверявший бумаги, долго рассматривал печать Данцига.

— Прежде вы платили здесь меньше, — заметил он.

— Прежде я вёз сюда хлеб для гарнизона, — ответил Мартин.

— Теперь у вас другой груз.

— И другая война?

Служитель не понял.

— Война окончена.

— Вот я и спрашиваю, почему платить приходится больше.

Разговор продолжался достаточно долго, чтобы возницы начали терять терпение. Один из них спрыгнул с повозки и пошёл искать воду для лошадей. Другой сел на мешок и принялся жевать сухой хлеб.

Наконец служитель потребовал дополнительную пошлину.

Мартин заплатил, но попросил записать сумму и основание взыскания. Чиновник удивился.

— Зачем вам это?

— Чтобы в следующий раз знать, сколько стоит мир.

Тот посмотрел на него с неприязнью, но выдал расписку.

В городе Мартин остановился у знакомого торговца, владевшего складом неподалёку от пристани. Хозяин, широкоплечий человек по имени Петер Вольф, встретил его без прежней радости. Он выглядел усталым, хотя дела его шли лучше, чем в последние военные годы.

В складском помещении пахло смолой, мокрой пенькой и сырой древесиной. Между штабелями досок лежали тюки льняного полотна. У стены стояли бочки с солёной рыбой.

— Опоздал, — сказал Петер вместо приветствия.

— На три дня.

— За три дня многое меняется.

— Например?

Петер показал ему письмо, полученное от одного из орденских служителей. В нём сообщалось о намерении пересмотреть порядок торговых сборов.

Мартин внимательно прочитал документ.

— А город что говорит?

— Город говорит, что прежние права должны сохраняться.

— А великий магистр?

— Великий магистр собирает деньги.

Оба помолчали.

Петер предложил гостю вина. Они устроились в небольшой комнате за складом, где стояли стол, две скамьи и железная печь. На стене висела потемневшая картина с изображением корабля, идущего под полными парусами. Мартин помнил её ещё с довоенных времён.

— Люди возвращаются? — спросил он.

— Некоторые. Но дома многих заняты, имущество продано, мастерские разорены. А другие уже устроились в Данциге и возвращаться не собираются.

— Значит, торговля уйдёт туда.

— Часть уже ушла.

Петер говорил без особой горечи. Во время войны его собственные суда неоднократно простаивали в портах, а один корабль погиб вместе с командой. Он научился относиться к потерям без громких слов, хотя Мартин знал, что такая сдержанность досталась ему нелегко.

— Кёнигсберг всё-таки нужен, — возразил Мартин. — Восточная Пруссия никуда не исчезла. Здесь хлеб, лес, воск, янтарь. Через этот порт будут возить товары.

— Будут. Вопрос только, кто станет получать с этого доход.

Петер развернул на столе небольшую карту торговых путей. Он показал дороги, ведущие из внутренних владений Ордена, речные перевозки, гавани и склады.

— Прежде многие товары шли через западные города. Теперь там свои власти и свои сборы. Если повезём через Данциг, придётся договариваться с людьми короля. Если останемся здесь, будем зависеть от орденских распоряжений.

— А без властей торговать не пробовали?

Петер усмехнулся.

— Ты ведь не первый день живёшь на свете.

Они ещё долго обсуждали цены и дороги. Однако постепенно разговор перешёл к людям, которых оба знали.

Мартин рассказал о бывших наёмниках, возвращавшихся в немецкие земли без денег. О семьях, пытавшихся найти пропавших солдат. О городских мастерах, получивших за войну больше долгов, чем заказов.

Петер слушал внимательно.

— У меня работает человек, — сказал он наконец. — Был в орденском гарнизоне. После ранения его отпустили. Правая рука почти не действует, зато левую научился держать так, что иной здоровый позавидует. Теперь считает товар и следит за грузчиками.

— И справляется?

— Лучше многих. Только когда слышит барабан, выходит на улицу и долго стоит там, пока не стихнет.

Мартин посмотрел на дверь, ведущую в склад.

— Он здесь?

— Сегодня нет. У жены родился ребёнок. Отпустил на несколько дней.

Петер налил ещё вина.

— Он спросил меня, какой теперь будет жизнь. А я не нашёлся что ответить.

Мартин повертел кубок в руках.

— Мне тоже никто не объяснил.

За окном послышался крик грузчиков. Во двор въехала повозка, и кто-то громко требовал освободить проход.

Петер поднялся.

— Пойдём. Пока мы рассуждаем о жизни, товар сам себя не разгрузит.

Мартин последовал за ним. Во дворе несколько работников пытались снять тяжёлый ящик. Один поскользнулся, едва не упав под колесо. Петер поспешил помочь. Мартин взялся за другой край.

Они вместе перенесли ящик под навес. В самбийском селении неподалёку от побережья зиму ожидали с тревогой.

Земля там была тяжёлой. На одних участках урожай получался хорошим, на других требовалось много труда, чтобы собрать хотя бы достаточно зерна для семьи. Люди жили рыбной ловлей, скотоводством, небольшими посевами и работами, которые время от времени поручали им орденские управляющие.

За годы войны несколько хозяйств запустели. Мужчины уходили в войско, лошади погибали на перевозках, некоторые дворы так и не дождались своих хозяев.

В одном из таких дворов жила Марта, вдова крестьянина, погибшего во время военной службы.

Её старшему сыну Петеру исполнилось пятнадцать лет. Младшая дочь Анна ещё не достигла возраста, когда могла выполнять тяжёлую работу наравне со взрослыми, но уже умела доить корову, носить воду и следить за младшими детьми соседей.

Марта держала небольшой участок земли и двух коров. Одну пришлось продать прошлой весной, чтобы купить зерно для посева и оплатить долг за погибшую лошадь.

Теперь управляющий требовал восстановить прежнюю повинность.

Он прибыл в селение вместе с двумя служителями. Люди собрались возле дома старосты, где обычно объявлялись распоряжения. Был холодный день, с моря дул влажный ветер. Мужчины стояли в грубых плащах, женщины держались чуть поодаль, ожидая, чем закончится разговор.

Управляющий развернул лист.

Согласно записи, несколько хозяйств должны были предоставить подводы для перевозки древесины к орденским складам.

Марта выступила вперёд.

— У меня нет лошади.

— Это известно, — ответил управляющий.

— Тогда как я повезу лес?

— Можно нанять подводу.

— На какие деньги?

Чиновник нахмурился.

— Повинность существовала и прежде. Мир не отменяет обязанностей.

Марта посмотрела на стоявших рядом соседей.

— Когда муж был жив, он ездил с подводой сам. Потом его забрали на службу. Лошадь тоже забрали. Муж не вернулся, а за лошадь мне ничего не заплатили. Теперь вы требуете, чтобы я наняла чужую.

Управляющий перелистнул бумаги.

— Ваше дело можно рассмотреть отдельно.

— Я уже трижды просила рассмотреть.

— Не я принимал прежние решения.

— А мне всё равно, кто их принимал. Лошади у меня нет.

Один из мужчин попытался успокоить её, но Марта отстранила его руку.

Она не собиралась кричать. Перед выходом из дома решила говорить спокойно, чтобы служители не могли обвинить её в неповиновении. Однако теперь видела перед собой человека, который прекрасно понимал её положение и всё же продолжал читать распоряжение, будто речь шла о хозяйстве, сохранившем всё необходимое.

Управляющий сложил лист.

— Если повинность не будет выполнена, долг внесут в книгу.

— Вносите, — сказала Марта.

Староста испуганно посмотрел на неё.

— Подумай, что говоришь.

— Я подумала.

Петер, стоявший за спиной матери, шагнул вперёд.

— Я могу работать, — произнёс он. — Если дадут лошадь, повезу.

Марта резко обернулась.

— Не смей.

— Но ведь надо что-то делать.

Управляющий посмотрел на мальчика внимательнее.

— Тебе сколько лет?

— Пятнадцать.

— Управляться с подводой умеешь?

— Умею.

— Тогда можно договориться.

Марта взяла сына за плечо.

— Он не будет отрабатывать чужой долг, пока вы не выясните, куда делась наша лошадь.

Несколько человек зашевелились. Один старик негромко заметил, что служивших на войне вообще редко рассчитывали по справедливости. Другой добавил, что и ему не вернули две телеги.

Управляющий понял, что разговор может обернуться общим требованием пересмотреть все повинности.

Он велел старосте составить перечень хозяйств, потерявших рабочий скот во время службы. До проверки списка исполнение спорных подводных обязанностей решили отложить.

Люди разошлись не сразу. Мужчины обсуждали распоряжение, женщины переговаривались возле колодца. Марта направилась домой, не дожидаясь остальных.

У колодца её остановила соседка. Муж соседки соглашался помочь с крышей, но просил взамен отработать вместе один день на орденском дворе: управляющий обещал зачесть часть общей повинности. Марта сначала отказалась — сарай требовал починки, а Анна всё утро кашляла. Потом увидела, как соседка прячет под передником руки, распухшие от работы в холодной воде. У той самой лежал больной ребёнок. Марта обещала прийти после полудня, если Петер управится с крышей. Возвращаясь, она уже рассчитывала, какой участок работы можно оставить на завтра. Победа в споре с управляющим ничего не освобождала: время и силы приходилось занимать у соседей так же, как другие занимали деньги.

Петер догнал её у поворота.

— Я ведь мог поехать.

— Мог.

— Тогда почему ты запретила?

Она остановилась. Перед ней стоял почти взрослый юноша. За последние годы он сильно вытянулся, плечи стали шире, и в движениях появилась та неловкая решительность, с какой мальчики впервые пробуют распоряжаться собственной жизнью.

Марта увидела в нём мужа, каким помнила его до войны.

Это сходство испугало её сильнее, чем разговор с управляющим.

— Потому что у тебя здесь работа, — сказала она. — Землю надо готовить к весне. Крышу чинить. Дрова складывать. А если поедешь с подводой, кто всё это сделает?

— Вернусь и сделаю.

— Так говорил твой отец.

Петер замолчал. Марта пожалела о сказанном. Она редко вспоминала мужа вслух, особенно перед детьми. Не потому, что хотела забыть, а потому, что каждое воспоминание заставляло снова объяснять, почему он не вернулся.

Они продолжили путь молча. Возле дома Анна рубила тонкие ветки для растопки. Увидев мать, она отложила нож и побежала навстречу.

— Что сказали?

— Пока ничего не будем возить.

Девочка обрадовалась. Для неё это означало, что брат останется дома.

Марта вошла в избу, сняла платок и принялась готовить обед. Через некоторое время Петер принёс охапку дров и сложил возле печи.

Она посмотрела на сына.

— Я не хочу держать тебя возле себя всю жизнь, — сказала Марта.

— Знаю.

— Только сначала нужно научиться жить без войны.

Петер сел на скамью и стал снимать мокрые сапоги.

— А разве мы не так живём?

Марта не нашла ответа.

В доме было тепло. За стеной мычала корова. Дочь раскладывала миски на столе, а сын, сняв сапоги, принялся чинить деревянную ручку ведра.

На совете в Кёнигсберге присутствовали орденские должностные лица, представители хозяйственных служб и несколько братьев, прибывших из сохранившихся комтурств.

Людвиг фон Эрлихсхаузен велел разложить на большом столе карты и книги доходов.

Он не стал начинать заседание молитвой дольше обычного. После короткого обращения к Богу великий магистр предложил немедленно приступить к делам.

Маттиас представил сведения о поступлениях. Они оказались хуже, чем ожидали многие присутствующие. Во время войны Орден расходовал не только текущие доходы, но и имущество, накопленное прежде. Часть земель была заложена, часть продана, некоторые хозяйства разорены настолько, что в ближайшее время не могли приносить прежней прибыли.

Несколько комтурств сохранили замки и служителей, но потеряли значительную долю зависимых хозяйств. В других местах земля оставалась обработанной, однако сборщики жаловались на невозможность получить установленные платежи.

— Если люди не платят, следует требовать исполнения, — заметил один из старших братьев.

Маттиас оторвался от расчётов.

— Требовать можно. Вопрос в том, чем они заплатят.

— Землёй.

— Земля уже принадлежит Ордену.

— Скотом.

— Во многих дворах его не осталось.

Брат нахмурился.

— Вы предлагаете простить долги?

— Нет. Предлагаю выяснить, какие долги можно взыскать, не уничтожив хозяйства окончательно.

Людвиг слушал, опершись локтями о стол. Подобные споры раздражали его своей бесконечностью. Каждый участник совета защищал определённую часть орденских интересов, и каждый по-своему был прав. Казначей требовал денег, управляющие просили облегчить повинности, военные начальники напоминали о необходимости содержать гарнизоны.

Но доходы, из которых прежде удовлетворялись все эти требования, сократились.

— Сколько у нас крепостей, которые действительно нуждаются в постоянных гарнизонах? — спросил великий магистр.

Один из военных начальников начал перечислять.

Людвиг остановил его.

— Не спрашиваю, сколько крепостей мы имеем. Спрашиваю, сколько нужно содержать.

Начальник гарнизона разгладил ладонью схему укреплений; на ней по-прежнему значились заставы, на которые уже не хватало людей.

Ответ требовал признать, что прежняя система обороны больше не соответствовала возможностям Ордена.

Наконец один из братьев осторожно заметил:

— После мира опасность не исчезла. Если ослабить гарнизоны, мы можем потерять и то, что осталось.

— А если не ослабим, — вмешался Маттиас, — нечем будет кормить людей к весне.

Военный начальник повернулся к нему.

— У казначеев всегда не хватает денег.

— У солдат всегда есть потребность в хлебе, — ответил Маттиас. — И его нельзя выдать из пустого мешка.

Людвиг ударил ладонью по столу.

— Довольно.

Он поднялся.

— Я слышал эти споры всю войну. Одни требовали людей, другие денег, третьи хлеба. Когда у нас было всё это, мы не сумели удержать Мариенбург. Теперь вы предлагаете продолжать так, словно ничего не произошло.

Никто не ответил.

Великий магистр обошёл стол и остановился возле карты.

— Мы сохранили землю. Сохранили замки. Сохранили Орден. Но если каждый будет держаться за прежние права и прежний порядок расходов, очень скоро у нас не останется средств даже на содержание этих стен.

Он указал на восточные владения.

— Начнём с того, что действительно можем защитить. Остальное приведём в соответствие с нашими возможностями.

Один из братьев осторожно спросил, следует ли понимать это как отказ от возвращения утраченных земель.

Людвиг медленно повернулся.

— Сейчас я говорю о том, чем мы владеем.

Брат поклонился, не продолжая разговора.

Совет перешёл к рассмотрению отдельных комтурств. Требовалось определить размеры гарнизонов, количество работников, состояние складов и возможность сократить расходы.

Работа продолжалась несколько часов.

Когда дошли до северных земель, один из управляющих сообщил о недовольстве крестьян. Те просили уменьшить повинности после военных разорений. Несколько селений уже направили письменные жалобы.

— Если уступить одним, потребуют остальные, — заметил военный начальник.

— Возможно, — согласился Генрих Линде, присутствовавший при обсуждении документов. — Но если не уступить никому, весной некоторые земли останутся незасеянными.

Людвиг медленно повернулся к нему.

— Вы знаете это наверняка?

— Есть сведения о нехватке скота, зерна и работников. Часть дворов не сможет выполнить одновременно прежние повинности и подготовить поля.

— А кто будет работать на орденских землях?

— Те же люди, ваша милость. Если дать им возможность восстановить собственные хозяйства.

Великий магистр нахмурился.

Генрих понимал, что ещё одно возражение может вызвать раздражение. Он не хотел спорить ради самого спора. Но после возвращения из Торна слишком часто встречал прошения, оставленные без ответа только потому, что никто не решался признать необходимость перемен.

— Принесите эти сведения, — сказал Людвиг.

Генрих передал ему несколько листов. Среди них находился перечень самбийских хозяйств, потерявших рабочий скот. В одном из прошений упоминалась вдова, у которой требовали подводу для перевозки древесины.

Людвиг прочитал запись.

— Почему раньше этого не рассмотрели?

— Документы о выдаче лошадей на военную службу не сохранились полностью.

— Кто принимал скот?

— В разные годы разные служители. Часть умерла, другие покинули эти места.

Великий магистр положил лист.

— Значит, никто не знает, сколько мы должны этим людям.

— Не всё удаётся установить.

Людвиг раздражённо провёл рукой по лицу.

— Война закончилась, а мы продолжаем расплачиваться за каждый её год.

Маттиас молча передвинул к нему книгу доходов. Великий магистр посмотрел на неё, затем снова на прошение.

— Если у женщины действительно нет лошади, пусть не требуют подводу. Назначьте другую работу, которую хозяйство способно выполнить. И проверьте остальные случаи.

Генрих поклонился. Решение не было особенно щедрым. Повинность сохранялась, менялся лишь способ исполнения. Но вдова получала возможность не брать новый долг ради старого обязательства.

Совет продолжался до сумерек.

Когда участники начали расходиться, Людвиг задержал Генриха.

— Вы были в Мариенбурге, когда там ещё работала главная канцелярия?

— Да, ваша милость.

— Хорошо помните её порядок?

— Не весь. Но многое помню.

Людвиг подошёл к столу, где лежали бумаги.

— Нам придётся устроить здесь то, что прежде существовало там. Не комнаты, конечно. Порядок.

Генрих заметил, что великий магистр говорит устало, без обычной резкости.

— Для этого нужны люди, — ответил он. — И время.

— Людей у нас стало меньше. Времени тоже не прибавилось.

— Тогда начнём с того, что имеем.

Людвиг кивнул.

— Составьте перечень недостающих книг и документов. Отдельно отметьте всё, что связано с утраченной территорией. Нужно понять, какие записи ещё имеют силу, а какие следует заменить новыми.

— Будет исполнено.

Генрих собрал бумаги и направился к двери.

— Линде.

Он остановился.

— Вы считаете, что в Торне мы поступили правильно?

Вопрос прозвучал неожиданно.

Генрих обернулся. Великий магистр стоял возле стола, на котором оставалась раскрытая карта. Он выглядел старше своих лет. Лицо осунулось, под глазами залегли тени. За годы войны Людвиг привык скрывать усталость перед подчинёнными, но теперь ему, казалось, уже не хватало сил постоянно поддерживать прежнюю суровость.

Генрих не сразу нашёл ответ.

— Я думаю, ваша милость, что продолжать войну было невозможно.

— Я не об этом спросил.

— Знаю.

— Правильно ли уступить то, что нам поручено защищать? — уточнил Людвиг.

Генрих опустил взгляд на бумаги.

— Не знаю, можно ли назвать правильным всё, что пришлось сделать. Но я видел людей, которые ещё осенью ожидали нового похода. Многие из них не пережили бы ещё одной зимы в войне.

Людвиг медленно кивнул.

— Значит, вы считаете, что мы спасли их.

— Некоторых.

— А остальных?

Генрих оставил вопрос без ответа. Великий магистр отвернулся к окну.

— Идите. Завтра продолжим.

Зимой Кёнигсберг менялся медленно.

На пристанях стало меньше военных грузов, зато чаще появлялись обычные торговые товары. В город возвращались ремесленники. Некоторые находили свои дома занятыми другими людьми и обращались в суд. Другие обнаруживали, что мастерские разрушены или оборудование продано за долги.

Городские власти пытались восстановить прежний порядок.

Однако сам город уже не был прежним.

За годы войны здесь поселились служители и братья Ордена, покинувшие западные владения. Вместе с ними приехали семьи работников, торговцы, мелкие чиновники, люди, потерявшие имущество в других местах. Некоторые рассчитывали вскоре вернуться. Теперь после Торнского мира им приходилось решать, оставаться ли в Кёнигсберге навсегда.

Среди таких людей был старый оружейник Кристиан.

Он прежде работал в Мариенбурге, а после потери крепости перебрался на восток. Война давала ему постоянные заказы: чинили кольчуги, заменяли повреждённые детали доспехов, исправляли оружие, изготовляли железные крепления для военных повозок.

Теперь заказов стало меньше.

Однажды к нему пришёл молодой брат Ордена с повреждённым нагрудником. Кристиан осмотрел металл, указал на глубокую вмятину и спросил, где тот получил удар.

— Не я, — ответил рыцарь. — Доспех достался мне из замкового склада.

Оружейник провёл пальцем по краю повреждения.

— Хорошая работа. Старое железо.

— Можно исправить?

— Можно. Только не знаю, зачем вам теперь такой тяжёлый нагрудник.

Молодой брат удивился.

— Разве рыцарю не нужны доспехи?

Кристиан пожал плечами.

— Нужны. Просто я за последние месяцы починил больше дверных петель, чем мечей.

Рыцарь обиделся.

— Орден не перестал быть военным братством.

— Я этого и не говорил.

Кристиан взял молоток, примерился к повреждённому месту и осторожно ударил по металлу.

— А ты давно в Ордене?

— Второй год.

— Войну застал?

— Только конец.

Оружейник кивнул.

— Тогда береги этот доспех. Он старше твоей службы.

Молодой брат не понял, шутит ли мастер.

Он заплатил за работу и ушёл. Кристиан остался один. На стене его мастерской висели старые инструменты. У горна лежали железные полосы, приготовленные для изготовления оконных решёток. В углу стоял ящик с наконечниками копий, которые никто не забирал уже несколько месяцев.

Он всматривался в них, потом закрыл ящик крышкой.

На следующий день к нему пришёл городской плотник и заказал железные полосы для укрепления моста.

Кристиан взвесил железную полосу на ладони. Для мостовой скобы требовалось иное отверстие, чем для крепления доспеха; он дважды примерил заготовку, прежде чем опустить её в угли. Недавно ученик, привыкший к военным заказам, испортил две такие полосы, и мастер заставил его оплачивать напрасно израсходованный уголь работой.

Но когда он начал нагревать первую полосу, то заметил, что уже давно не слышал со двора криков солдат, требовавших закончить починку оружия до выступления.

Мастерская стала тише.

Генрих Линде получил возможность отправиться в одно из восточных владений Ордена в начале нового года.

Ему поручили проверить состояние нескольких хозяйственных учреждений и собрать сведения о документах, уцелевших после войны. Вместе с ним поехал молодой писарь Готфрид и двое служителей, сопровождавших повозку с дорожными припасами.

Дороги были тяжёлыми. Снег то выпадал, то таял, оставляя глубокую грязь. На открытых местах ветер бил в лицо, а в лесу колёса вязли в размокшей земле. Путешественникам приходилось часто останавливаться, чтобы дать лошадям отдых.

В одном селении они задержались из-за сломанной оси.

Пока служители занимались ремонтом, Генрих отправился к старосте. Тот жил в низком доме под соломенной крышей, окружённом хозяйственными постройками.

Староста принял приезжего настороженно.

Он ожидал очередного требования о поставках хлеба или древесины и долго не мог поверить, что Генрих приехал не за этим.

— Значит, вы хотите посмотреть книги?

— Да.

— А зачем?

— Чтобы установить, какие обязательства сохранились после войны.

Староста помолчал.

— Обязательства, значит, сохранились. А люди не все.

Генрих не стал возражать. Они сели за стол. Староста принёс несколько старых листов, хранившихся в деревянном сундуке. Среди них находились расписки о поставках зерна, подтверждения прежних повинностей и записи о земле, выделенной отдельным семьям.

Генрих внимательно просматривал документы. Некоторые были повреждены сыростью. Чернила расплылись, печати отвалились. Один лист оказался разорван пополам.

— Кто его порвал?

Староста пожал плечами.

— Не знаю. Давно лежит.

— А почему сохранили?

— Потому что на нём написано, кому принадлежит поле.

Генрих осторожно соединил обе половины. Запись действительно касалась земельного владения. Однако часть текста исчезла, и установить имя первоначального держателя оказалось невозможно.

— Свидетели есть?

Староста назвал двух пожилых крестьян.

Их привели в дом.

Один оказался почти слепым, второй плохо слышал. Они долго вспоминали, кому принадлежало поле, спорили между собой, путали имена умерших соседей и события разных лет.

Генрих слушал терпеливо. Наконец выяснилось, что земля принадлежала семье, младший представитель которой теперь жил в соседнем селении. Во время войны участок обрабатывали другие люди, поскольку прежний хозяин ушёл на службу и не вернулся.

Положение напоминало десятки других случаев.

— Вы можете подтвердить, что семья имела право на эту землю? — спросил Генрих.

Старики переглянулись.

— Можем, — ответил один.

— А нынешние хозяева?

— Они тоже не чужие. Когда прежний ушёл, кто-то должен был пахать.

Генрих записал свидетельства. Потом спросил, почему староста не обращался за разрешением спора раньше.

Тот удивился.

— К кому было обращаться?

— К орденскому управителю.

Староста медленно покачал головой.

— Одного убили. Другой уехал. Третий приехал осенью и потребовал хлеб. До земли ему дела не было.

Генрих закрыл книгу. За окном слышался стук топора. Служители исправляли ось повозки. В доме пахло дымом и сушёными травами. У печи сидела старуха и перебирала шерсть.

— Теперь управление будет восстановлено, — сказал Генрих.

Староста посмотрел на него внимательно.

— Надеюсь.

В его голосе не было ни почтения, ни насмешки. Он просто произнёс слово, которое слишком часто слышал за последние годы.

Генрих почувствовал неловкость. Он потянулся за чистым листом, чтобы оставить старосте подтверждение принятого прошения, но обнаружил, что тот уже складывает бумаги в сундук. Староста не отвергал помощь; он просто не желал возвращаться домой с одними устными заверениями. Генрих задержал его и собственноручно записал дату следующего разбора.

На обратном пути Готфрид спросил:

— Почему вы ничего не сказали ему о новом порядке?

Генрих посмотрел на зимнюю дорогу.

— Потому что он спросит, чем новый порядок отличается от старого.

— А чем?

— Пока не знаю.

Готфрид помолчал.

— Вы ведь сами предлагаете изменения.

— Предлагать легче, чем исполнять.

Повозка медленно двигалась между полями. На одном из них стоял старый деревянный крест. Он покосился, и снег задерживался на перекладине. Возле креста виднелись следы, ведущие к небольшому дому.

Генрих заметил их и неожиданно подумал о людях, которых встречал во время войны.

Они принадлежали разным городам, говорили на разных языках, подчинялись разным властям. Одни считали себя верными Ордену, другие воевали против него. Но почти все хотели одного: сохранить дом, землю, детей, возможность работать и не ждать каждый день нового несчастья.

Генрих вынул из дорожной сумки маленький лист, на котором записал имя человека, потерявшего землю. Когда-то в Мариенбурге подобное имя затерялось бы среди других прошений. Теперь староста и двое стариков знали, где искать Генриха, и могли вернуться, потребовав ответа. Он спрятал лист не в общий мешок с бумагами, а за отворот кожаной книги.

В феврале в Кёнигсберге состоялось ещё одно совещание.

На этот раз обсуждали не только хозяйственные вопросы, но и положение Ордена после заключения мира.

Договор с польской короной устанавливал новые отношения между великим магистром и королём Казимиром. Орден сохранял свои восточные владения, но теперь признавал верховные права польского государя. Великий магистр становился связанным обязательствами, которых прежде не существовало в таком виде.

Для одних братьев эти условия были вынужденной платой за прекращение войны. Другие считали их унижением, несовместимым с прежним положением Ордена.

Людвиг фон Эрлихсхаузен слушал споры с растущим раздражением.

Один из старших братьев заявил, что Орден не может отказаться от прав, полученных от пап и императоров.

— Никто не предлагает отказываться от наших духовных обязанностей, — возразил другой. — Но владения мы удерживаем теперь на условиях мира.

— Сегодня условия мира, завтра новые требования.

— Тогда следовало продолжать войну.

— Вы знаете, что это было невозможно.

— Вот именно.

Спор становился всё резче.

Людвиг потребовал тишины.

— Договор заключён, — сказал он. — Мы можем сожалеть о его условиях, но пока обязаны считаться с ними.

— Ваша милость, — обратился к нему один из братьев, — а что будет, если король потребует от нас того, что противоречит орденским обычаям?

Людвиг медленно повернулся к нему.

— Тогда будем разбирать такое требование, когда оно поступит.

— Но присяга…

— Я знаю, что написано о присяге.

Брат замолчал.

Великий магистр некоторое время сидел неподвижно. Потом велел принести текст договора.

Генрих передал ему копию. Людвиг раскрыл документ на статьях, определявших отношения Ордена с польским королём.

Он читал их уже много раз. Во время переговоров каждое слово обсуждалось, исправлялось, согласовывалось с представителями противоположной стороны. Некоторые положения казались тогда менее опасными, потому что главным было остановить войну.

Теперь, когда военные заботы постепенно отступали, значение этих слов становилось ощутимее.

Орден оставался владельцем земель, но уже не распоряжался ими с прежней независимостью.

Великий магистр сохранял высокий титул, однако должен был учитывать волю другого государя.

Самым тяжёлым было не признание военного поражения. Его Людвиг пережил ещё до подписания мира. Гораздо труднее оказалось привыкнуть к мысли, что отныне любое значительное политическое решение придётся соотносить с обязательствами перед польской короной.

— Мы не монахи без земли, — произнёс один из братьев. — У нас есть города, замки, люди.

— И долги, — негромко добавил Маттиас.

Людвиг поднял голову.

— Что вы хотите этим сказать?

Казначей не смутился.

— Только то, что спорить о правах можно долго. Но у нас нет средств, чтобы снова содержать большое войско. Если мы хотим сохранить оставшееся, придётся сначала восстановить хозяйство.

— Вы считаете, что деньги решают всё?

— Нет, ваша милость. Но их отсутствие уже решило слишком многое.

Эти слова вызвали недовольство нескольких братьев.

Людвиг, однако, не оборвал казначея. Он помнил последние годы войны. Помнил наёмников, требовавших жалованье, гарнизоны, отказывавшиеся выполнять приказ без продовольствия, крепости, которые не удалось удержать потому, что у защитников не было средств продолжать службу.

И ещё он помнил Мариенбург.

Не осаду, не штурм, не разгром у стен. Продажу крепости людьми, которым Орден задолжал деньги.

Это воспоминание неизменно причиняло ему особенную боль.

Он долго не мог признать, что столь могущественный замок мог перейти к противнику без решающего сражения. Ему казалось, что само устройство мира должно было воспротивиться подобному исходу. Но крепость была утрачена, а бывшие её защитники получили деньги от польского короля.

Людвиг закрыл документ.

— Господа братья, — сказал он, — вы можете считать мир несправедливым. Возможно, некоторые его условия действительно тяжёлы для Ордена. Но я не позволю превращать каждое совещание в спор о том, следовало ли подписывать договор. Он подписан.

Маттиас потянулся к книге расходов, но остановился: Людвиг ещё держал ладонь на тексте договора.

— Нам нужно жить дальше, — продолжил великий магистр. — А для этого следует знать, чем мы располагаем и чего можем требовать от наших людей.

Он повернулся к Генриху.

— Документы по восточным владениям готовы?

— Основные сведения собраны. По нескольким комтурствам ещё ожидаем подтверждения.

— Представьте всё, что есть.

Совещание продолжилось. Теперь обсуждали мельницы, доходы с рыбной ловли, поставки зерна, содержание замков, торговые сборы и расходы на канцелярию.

Людвиг внимательно слушал, задавал вопросы, иногда раздражался, требовал уточнений. Но разговор больше не возвращался к тому, кто был виноват в поражении.

Когда заседание закончилось, участники разошлись.

Маттиас задержался, чтобы собрать книги. Генрих помогал ему.

— Вы давно служите при великом магистре? — спросил он.

— Достаточно давно, чтобы знать: если сегодня он не накричал на всех, завтра работы будет вдвое больше.

Генрих усмехнулся.

— Сегодня он почти не сердился.

— Потому что устал.

Маттиас закрыл последнюю книгу.

— Он не такой человек, каким его считают некоторые братья.

— А каким его считают?

— Одни думают, что он погубил Орден. Другие — что только он и удержал его от полного разрушения. И те и другие слишком мало знают о том, что происходило здесь последние годы.

Генрих посмотрел на закрытую дверь.

— А вы как считаете?

Маттиас некоторое время молчал.

— Я считаю, что он слишком долго надеялся исправить каждую ошибку следующим распоряжением. Теперь распоряжения приходится писать иначе.

В марте снег начал сходить.

По городским улицам потекла грязная вода, на дорогах появились глубокие колеи, а возле пристаней снова зазвучали голоса грузчиков. Купцы готовились к весенним перевозкам. Рыбаки проверяли сети, мастера чинили лодки и повозки.

Мартин Краузе приехал в Кёнигсберг вторично. На этот раз он привёз меньше дорогих товаров, зато больше железа, соли и простого полотна. Петер Вольф встретил его на пристани и помог договориться о разгрузке.

Однако Мартин заметил, что городские разговоры по-прежнему вращаются вокруг войны и мира.

Одни жаловались на новые сборы, другие надеялись получить прежние долги, третьи пытались выяснить, каким образом будут устроены отношения между городом и Орденом.

В трактире неподалёку от пристани Мартин встретил Генриха Линде.

Они знали друг друга по прежним делам, связанным с перевозками и орденскими поставками. Генрих выглядел усталым, но более спокойным, чем во время последних военных месяцев.

— Слышал, теперь вы строите новую канцелярию, — сказал Мартин.

— Не строим. Скорее пытаемся разместить старую в новых комнатах.

— Это одно и то же?

— Совсем нет. В старой было больше книг.

Мартин рассмеялся. Они сели за стол у окна. Трактирщик принёс горячую похлёбку, хлеб и пиво.

Некоторое время говорили о дороге и торговле. Затем Мартин спросил, как чувствует себя великий магистр.

— Работает, — ответил Генрих.

— Говорят, здоровье у него неважное.

— После такой войны трудно ожидать другого.

Мартин отломил кусок хлеба.

— В Данциге многие считают, что Орден теперь уже не поднимется.

— А вы?

— Я купец. Мне нужны дороги, по которым можно ездить, и власти, с которыми можно договариваться. Если Орден способен это обеспечить, мне всё равно, сколько земель он потерял.

Генрих обернулся к собеседнику.

— Не всем всё равно.

— Знаю. Но скажите, разве человеку, который живёт возле замка, легче оттого, что его господин владеет ещё десятью крепостями, если за это приходится платить двойной налог?

Генрих вернулся мыслью к сказанному. Мартин продолжил:

— В Данциге тоже хватает споров. Люди получили то, чего добивались, а теперь выясняется, что жить всё равно непросто. Король далеко, городские власти рядом, налоги никуда не исчезли. Кто-то богатеет, кто-то разоряется.

— Значит, вы считаете, что война ничего не изменила?

— Изменила многое. Только не сделала людей счастливыми разом.

Генрих невольно улыбнулся.

— Об этом можно было догадаться и раньше.

— Можно. Но пока война идёт, все обещают, что после неё наступит хорошая жизнь. А когда она заканчивается, приходится самому чинить крышу.

Они рассмеялись. Потом разговор перешёл к более простым вещам.

Мартин рассказал о торговых делах, о семье, о дороге из Данцига. Генрих сообщил, что в канцелярии обучают новых писарей и постепенно приводят в порядок книги.

Когда они вышли из трактира, день уже клонился к вечеру.

На пристани грузчики заканчивали работу. Несколько лодок стояли у деревянного настила. Над крышами домов поднимался дым.

Мартин остановился.

— Знаете, чего я не понимаю?

— Чего?

— Почему вы все продолжаете говорить о Мариенбурге, словно Кёнигсберга не существует?

Генрих посмотрел на город.

— Потому что Мариенбург был столицей Ордена.

— А это что?

Мартин указал на замок, возвышавшийся над городом.

— Замок.

— В нём великий магистр?

— Да.

— Канцелярия?

— Да.

— Казначей?

— И он.

— Значит, столица у вас есть.

Генрих оставил вопрос без ответа. Мартин поправил плащ.

— Может быть, дело не в том, где сидит великий магистр. Может быть, вы ещё не привыкли к тому, что он сидит здесь.

Они простились. Генрих направился к замку. По дороге он долго думал о словах купца.

Кёнигсберг действительно стал главным местом пребывания орденских властей. Здесь работала канцелярия, собирались советы, хранились деньги и документы. Отсюда отправляли распоряжения в оставшиеся владения.

Но государство не меняло своего устройства так же легко, как человек переносил вещи из одного дома в другой.

В Мариенбурге Орден привык видеть себя властителем огромной страны. В Кёнигсберге ему приходилось учиться управлять гораздо меньшей.

И важнее всего было то, что далеко не каждый брат соглашался с необходимостью такого изменения.

В конце марта Людвиг фон Эрлихсхаузен заболел.

Сначала он жаловался на усталость и боли, затем несколько дней почти не выходил из покоев. Лекарь советовал покой, но великий магистр продолжал требовать документы и принимать служителей.

Генрих видел его однажды вечером. В комнате горели две свечи. На столе лежали письма, а возле кресла стоял небольшой сосуд с лекарством.

Людвиг сидел, укутав ноги тёплым покрывалом. Лицо его осунулось. Он долго рассматривал принесённую Генрихом запись о состоянии мельниц.

— Исправили? — спросил он, указав на одно из названий.

— Да, ваша милость. Колесо работает. Весной смогут молоть зерно без прежних задержек.

— А плотина?

— Укрепили. Но потребуется ещё работа после половодья.

Людвиг кивнул.

— Хорошо.

Он отложил лист и взял следующий. Тот касался задолженности перед бывшими служителями гарнизона. Несколько человек просили подтвердить размер невыплаченного жалованья.

— Они ещё здесь?

— Двое остались в Кёнигсберге. Третий уехал.

— Куда?

— В немецкие земли.

Людвиг некоторое время молчал.

— Запишите долг за всеми тремя. Если уехавший пришлёт представителя с надлежащими свидетельствами, пусть получит подтверждение.

Генрих сделал пометку. Великий магистр откинулся в кресле.

— Скажите, Линде, — произнёс он после паузы, — вы когда-нибудь думали, что нам придётся так заниматься долгами?

— Во время войны только ими и занимались.

— Тогда я думал, что всё это закончится вместе с войной.

Генрих оставил вопрос без ответа. Людвиг посмотрел на свечу.

— В Мариенбурге у нас были большие книги. Целые комнаты. Люди годами вели записи, сверяли поступления, отправляли распоряжения. Мне казалось, что всё устроено прочно.

Он кашлянул и помолчал.

— Когда замок перешёл к королю, я долго не мог понять, как это произошло. Не потому, что не знал обстоятельств. Я знал. Но одно дело — знать, сколько денег задолжал наёмникам, и другое — увидеть, как за эти деньги отдают крепость.

Генрих стоял неподвижно. Великий магистр редко говорил о прошлом с такой откровенностью.

— Я приказывал защищать Мариенбург, — продолжил Людвиг. — Требовал верности, послушания, исполнения долга. Всё это было правильно. Но у людей не было денег, а у нас не было средств заплатить. Приказы остались. Замок ушёл.

Он провёл рукой по подлокотнику кресла.

— Потом мы пытались вернуть утраченное. Снова требовали людей и денег. Снова обещали рассчитаться. И всё глубже уходили в долги.

Генрих осторожно сказал:

— Ваша милость, не всё зависело от вас.

Людвиг поднял глаза.

— Знаю. И всё же великим магистром был я.

Он произнёс это спокойно. За окном ветер ударил в ставню.

Людвиг взял со стола небольшой лист с перечнем хозяйственных работ.

— Здесь есть что-нибудь, требующее немедленного решения?

— Только вопрос о выдаче древесины для моста.

— Разрешите.

— Понадобится согласование расходов.

— Согласуйте с Маттиасом.

Генрих поклонился. Он уже собирался уходить, когда великий магистр снова заговорил:

— Я всё время думаю о Мариенбурге.

Генрих остановился.

— Не о том, как его вернуть. Об этом тоже думал, конечно. Но сейчас больше о другом.

Людвиг посмотрел на крест, висевший на стене.

— Мы построили там огромный замок. Всё было рассчитано на долгие годы. Стены, дворы, хранилища, комнаты. Казалось, что Орден будет жить в нём всегда. А теперь приходится устраивать канцелярию здесь, считать доски для полок и искать место для старых книг.

Он устало улыбнулся.

— Странно, правда?

Генрих не нашёл ничего странного в этих словах. Он видел человека, который потерял не только земли и крепости, но и привычное представление о собственном месте в мире.

— Книги можно разместить, ваша милость, — ответил он. — И порядок восстановить.

— Да. Можно.

Людвиг закрыл глаза на несколько мгновений. Потом снова посмотрел на Генриха.

— Только не пытайтесь сделать здесь второй Мариенбург.

— Почему?

— Потому что у нас его больше нет.

Великий магистр взял письмо и подал служителю.

— Теперь нам нужно научиться жить в Кёнигсберге.

В тот же вечер Генрих вернулся в канцелярию.

Готфрид уже собирался уходить, но, увидев его, задержался.

— Ещё работа?

— Немного.

Генрих положил на стол несколько документов и попросил принести книгу хозяйственных распоряжений.

Они проверили записи о ремонте мостов, поставках древесины, выплатах служителям. Затем Генрих начал составлять новый перечень книг, необходимых для управления оставшимися владениями.

Готфрид наблюдал за ним.

— Вы хотите переписать всё заново?

— Не всё. Только то, что действительно нужно.

— А старые книги?

— Сохраним. Но больше не будем делать вид, что они отвечают на каждый вопрос.

— Великий магистр приказал?

— Нет. Он приказал устроить канцелярию так, чтобы ею можно было пользоваться.

Они работали до позднего вечера. Когда свечи начали догорать, Генрих закрыл последнюю книгу и подошёл к окну.

Во дворе было темно. В нескольких окнах горел свет. У ворот стояли караульные. Из конюшни доносились голоса служителей, заканчивавших работу.

Готфрид сложил бумаги.

— Завтра продолжим?

— Да.

— С чего начнём?

Генрих обернулся.

— С земельных книг. Потом займёмся повинностями, доходами и жалобами.

— А документы из Мариенбурга?

— Если удастся получить копии, сверим с ними. Если нет — придётся устанавливать права по свидетельствам и сохранившимся записям.

Готфрид кивнул. Они погасили свечи и вышли. На улице пахло влажной землёй. Снег почти сошёл, только в тени замковых стен ещё лежали серые полосы льда. Со стороны города слышался шум поздней повозки.

Генрих задержался возле ворот. В прежние годы он часто думал о Мариенбурге как о сердце Ордена. Здесь, в Кёнигсберге, всё казалось временным, устроенным наспех, недостаточно величественным для государства, которое ещё недавно владело огромными пространствами.

Но сегодня он целый день занимался делами, не имевшими ничего общего с величием.

Нужно было восстановить мельницу. Разрешить земельный спор. Выдать древесину для моста. Подтвердить долг перед человеком, который давно покинул орденскую службу. Найти место для книг и обучить новых писарей.

Все эти дела требовали времени, денег и внимания.

Государство продолжало существовать не потому, что у него оставались крепостные стены, печати и титулы. Люди приходили к его служителям за решениями, от которых зависела их повседневная жизнь.

И если эти решения не принимались, никакая прочность стен не могла заменить отсутствующего порядка.

Генрих ещё раз посмотрел на замок. Здесь не было огромных мариенбургских дворов, прежних залов и бесконечных переходов. Не было многих братьев, которых он помнил по довоенным годам. Не было прежнего достатка.

Из-за замковой стены донёсся скрип открываемых ворот. Кто-то просил пропустить подводы с мукой до начала ночного караула. Генрих услышал короткий спор, затем тяжёлый стук колёс по камню. Наутро ему всё равно предстояло выяснить, почему одну из подвод задержали, хотя хлеб уже был принят казначеем.

Кто-то считал зерно, кто-то проверял счета, кто-то готовил распоряжения. Внизу пекли хлеб, конюхи кормили лошадей, караульные сменяли друг друга у ворот.

Генрих поправил плащ и направился домой. На следующее утро в замок прибыли трое крестьян из Самбии.

С ними был молодой парень, которому ещё не исполнилось шестнадцати. Он нёс небольшой свёрток, завязанный в грубое полотно, и держался рядом со старостой.

Это был Петер, сын Марты.

После зимнего спора о повинностях староста решил отправить в Кёнигсберг представителей нескольких хозяйств. Они привезли сведения о потерянном скоте, неисполненных обязательствах и земельных правах. Марта сначала не хотела отпускать сына, но тот настоял, что сумеет объяснить своё дело лучше чужих людей.

Генрих принял просителей в небольшой комнате возле канцелярии.

Староста разложил бумаги.

Петер стоял молча, пока взрослые рассказывали о повинностях. Потом достал из свёртка старую расписку.

— Это отцу дали, когда забрали лошадь.

Генрих взял лист. Бумага пожелтела, края потёрлись. Печать сохранилась лишь частично, но запись можно было разобрать.

Лошадь действительно была принята для военной службы.

— Почему раньше не предъявляли?

— Мать предъявляла. Только ей сказали, что надо искать того, кто принял.

— А он где?

— Погиб.

Генрих внимательно изучил расписку. На ней стояла подпись орденского служителя, которого он помнил по последним годам войны. Тот действительно погиб во время одного из походов.

— Лошадь не вернули?

Петер покачал головой.

— И отца тоже.

Генрих оторвался от записи. Мальчик произнёс эти слова без слёз и жалобы. Он говорил так, как рассказывают о давно известном обстоятельстве, которое невозможно изменить.

Генрих положил расписку рядом с книгой.

— Как зовут твою мать?

— Марта.

— Земля у вас есть?

— Есть. Только пахать трудно.

— Кто помогает?

— Соседи. Я тоже.

Генрих сделал запись. Он не мог немедленно выплатить стоимость лошади. Для этого требовалось решение казначейства и проверка прежних обязательств. Но теперь существовало подтверждение, которое нельзя было просто отложить из-за отсутствия свидетеля.

— Я внесу долг в книгу, — сказал он. — И выдам вам копию записи. По поводу подводной повинности будет отдельное распоряжение.

— А лошадь дадут?

— Пока обещать не могу.

Мальчик опустил голову.

— Тогда зачем мы приехали?

Староста хотел одёрнуть его, но Генрих поднял руку.

— Чтобы ваше дело не исчезло вместе с человеком, который взял лошадь.

— А нам от этого легче будет пахать?

Генрих не стал объяснять необходимость документального порядка.

Он понимал, что мальчик прав.

— Нет, — ответил он. — От одной записи не будет.

Петер снова опустил глаза. Генрих открыл другую книгу.

— В вашем селении есть орденские лошади?

Староста назвал хозяйство, где содержали несколько животных для перевозок.

— Весной они свободны?

— Не всегда.

— Проверим. Возможно, на время пахоты удастся выделить одну из них.

Петер поднял голову.

— Правда?

— Если управляющий подтвердит, что это возможно.

Генрих составил письмо. В нём предписывалось проверить наличие рабочего скота и, при возможности, предоставить помощь хозяйствам, потерявшим лошадей на орденской службе. Расходы и порядок использования следовало согласовать с местным управляющим.

Он подписал документ и передал старосте. Петер долго смотрел на бумагу.

— А если управляющий не даст?

— Тогда пришлите ответ. Будем разбирать дальше.

Мальчик кивнул.

Когда посетители ушли, Готфрид спросил:

— Вы уверены, что управляющий согласится?

— Нет.

— Тогда зачем письмо?

Генрих закрыл книгу.

— Потому что теперь он обязан будет объяснить отказ.

Потом взял чистый лист и начал переписывать запись о долге.

За окном на замковом дворе разгружали очередную повозку. Возница громко спорил со служителем о количестве мешков. Кто-то позвал писаря, чтобы проверить накладную.

Генрих поднялся и направился к двери. У него оставалось ещё несколько прошений, требовавших решения.

Великий магистр ожидал сведения о доходах.

В казначействе не хватало денег.

Весенняя распутица мешала перевозкам.

Но в Самбии семья Марты получила хотя бы возможность обратиться за помощью, не начиная новый спор с пустого места.

Генрих вышел во двор. Над Кёнигсбергом стояло холодное мартовское утро. Солнце освещало мокрые крыши, на которых почти не осталось снега. У ворот ожидали торговые повозки. По улице шли люди с корзинами, вёдрами и инструментами.

За его стенами лежали земли, сохранившиеся под властью Ордена. В селениях готовились пахать, на реках исправляли переправы, в замках проверяли запасы, в монастырских помещениях совершали положенные молитвы.

Однако сегодня ему предстояло доставить в казначейство перечень долгов, согласовать выдачу древесины и проверить несколько земельных записей.

Он ускорил шаг. В замковой канцелярии уже ждали посетители.

Глава 50. Польская корона

Краков — Торн — Мариенбург — Кёнигсберг. Январь — март 1467 года.

В королевском замке Кракова зимние утра начинались задолго до рассвета. Служители разжигали очаги, выносили остывшую золу, приносили воду и дрова. В переходах между поме-

щениями стоял холод, который не удавалось изгнать даже тогда, когда в больших залах уже горел огонь. Каменные стены за ночь впитывали сырость, и в некоторых комнатах приходилось держать жаровни до самого полудня.

Король Казимир Ягеллончик привык к этим неудобствам. За долгие годы правления ему случалось проводить зимы в гораздо менее удобных местах, чем собственный замок. Его раздражали не холод и не ранние подъёмы, а необходимость вновь и вновь возвращаться к делам, которые, казалось, уже получили окончательное решение.

В тот день он разбирал письма из Пруссии.

На столе лежали донесения королевских служителей, обращения городов, просьбы о подтверждении привилегий и сведения о денежных обязательствах, возникших за годы войны. Некоторые бумаги пришли из Данцига, другие из Торна и Эльбинга. Отдельно находились сообщения, касавшиеся Мариенбурга и владений, оставшихся у Тевтонского ордена.

Казимир взял письмо данцигского совета. Городские власти напоминали о правах, признанных королём во время войны, и просили подтвердить порядок взимания торговых сборов. В другом письме представители прусских земель выражали беспокойство из-за возможного назначения королевских чиновников без согласования с местными сословиями.

Король дочитал последнее письмо и положил его поверх остальных.

— Они полагают, что после победы могут разговаривать с нами так же, как разговаривали с Орденом, — заметил один из советников.

Казимир поднял глаза.

— А разве во время войны они говорили иначе?

Советник не ответил.

Король отодвинул кресло от стола и подошёл к окну. За стеклом виднелся внутренний двор. Несколько служителей очищали каменные ступени от снега. Возле ворот стояли повозки с припасами.

Тринадцать лет войны изменили не только Пруссию. Польская казна понесла огромные расходы. Королю приходилось занимать деньги у городов, влиятельных землевладельцев и собственных подданных, передавать доходы в обеспечение долгов, обещать привилегии и соглашаться на условия, которые в другое время он предпочёл бы отклонить.

Победа принесла короне значительные приобретения, но не вернула потраченных средств.

Казимир хорошо понимал разницу между завоеванием земли и управлением ею.

Войско могло занять крепость. Королевский посланник мог принять присягу. Писарь мог внести новое владение в книгу. Но всё это ещё не означало, что люди, живущие на приобретённой территории, станут беспрекословно исполнять распоряжения из Кракова.

Прусские города привыкли защищать собственные права. Их богатство зависело от торговли, а торговля требовала предсказуемых правил. Именно поэтому города когда-то восстали против Ордена и обратились к польскому королю. Они ожидали от короны защиты своих свобод, а не замены одной неограниченной власти другой.

Казимир вернулся к столу. У двери показался служитель, держа грамоту с печатью одного из прусских городов. Послы не соглашались уходить из приёмной: на речной заставе задержали два судна с мукой, ссылаясь на сбор, которого в прежней грамоте не было. Советник посоветовал назначить им ответ через месяц, чтобы сперва сверить статьи привилегии. Казимир велел привести старшего посла. Тот вошёл в мокром дорожном плаще, не успев сменить сапоги, и сразу протянул грамоту. Король не позволил ему произнести подготовленную благодарственную речь. Он спросил, у кого лежит мука, кто содержит людей на судах и сколько ещё она может стоять в сыром трюме.

Посол назвал имена купцов, но запнулся на вопросе о содержании работников. В городских книгах такого расхода не было: лодочники кормились за свой счёт. Казимир приказал

до конца дня сверить спорный сбор с прежними правами города и прислать ему записку не о том, кто прав, а о том, какие суда стоят без движения. Советник пытался возразить, что местный чиновник может обвинить корону в уступке городу. «Сначала узнайте, что именно он требует, — ответил король. — Затем будет о чём спорить». Посол вышел озадаченный: он ждал от государя подтверждения торжественных слов, а получил поручение привезти имена людей, которые не могут выгрузить муку.

— Сколько Данциг ещё требует подтверждений?

Советник перечислил несколько вопросов.

Король выслушал его, затем взял другой документ.

— Подготовьте ответ. Прежние обещания должны соблюдаться. Но пусть городской совет не забывает, что война велась не только на его деньги.

— Ваше величество, они возразят, что предоставили корабли и оплатили значительную часть расходов.

— И будут правы.

Советник удивлённо посмотрел на него.

Казимир продолжил:

— Поэтому и следует разговаривать с ними так, чтобы не пришлось заново доказывать, кто кому обязан.

Он передал письмо служителю.

— А теперь принесите бумаги об Ордене.

Советник достал из отдельной связки копию Торнского договора.

Казимир не нуждался в напоминании его основных условий. Он помнил, сколько времени потребовалось, чтобы заставить противников согласиться с тем, что ещё недавно казалось им невозможным.

Орден уступил западные владения, признал новые границы и принял обязательства перед польской короной. Великий магистр сохранял власть над оставшейся частью Пруссии, но эта власть больше не была независимой от короля.

Для Казимира это имело особенное значение.

Он не стремился превращать каждый орденский замок в королевскую крепость. Такое решение потребовало бы новых гарнизонов, новых расходов и, возможно, новой войны. Орден сохранял собственное управление, а корона получала признанное договором верховенство.

Однако между записанным условием и его исполнением лежало немало трудностей.

— Что сообщают из Кёнигсберга? — спросил король.

— Великий магистр занимается восстановлением управления. Известно о пересмотре расходов, сокращении некоторых гарнизонов и попытках привести в порядок доходы. Но среди братьев Ордена остаются недовольные условиями мира.

— Это меня не удивляет.

— Они могут искать поддержки у императора.

Казимир отложил письмо. Связи Тевтонского ордена с империей были давними. Многие братья происходили из немецких земель, орденские владения за пределами Пруссии также связывали его с князьями и духовными властями. Ни Людвиг фон Эрлихсхаузен, ни его советники не могли забыть об этих отношениях только потому, что приняли условия мира.

— Пусть пишут, — произнёс король.

— Ваше величество?

— Писать им никто не запрещал. Нас должно интересовать, станут ли они исполнять договор.

Он помолчал.

— А для этого полезнее знать, сколько хлеба собрано в их владениях и сколько людей они способны содержать, чем читать очередные жалобы на несправедливость мира.

Советник поклонился.

Казимир вновь обратился к письмам. На этот раз он задержался на сообщении из Мариенбурга.

В нём говорилось о хозяйственных делах замка, состоянии построек и необходимости дополнительных средств для ремонта некоторых помещений.

Король невольно вспомнил день, когда Мариенбург перешёл под его власть.

Война тогда ещё продолжалась. Многие польские и прусские военачальники ожидали новых сражений, а судьба всего государства Ордена оставалась неясной. Но огромная крепость, долго считавшаяся одним из главных оплотов рыцарской власти, оказалась в руках короля благодаря денежному соглашению с наёмниками, которым Орден не сумел выплатить жалованье.

Казимир не испытывал особенного удовольствия от подобных воспоминаний. Он предпочёл бы получить замок после успешной военной операции, не оставлявшей сомнений в победе. Однако государь не мог позволить себе отвергать возможность только потому, что она не соответствовала представлениям о рыцарской славе.

Он взял письмо.

— Мариенбург необходимо содержать в исправности.

— Средства потребуются значительные.

— Я знаю.

— Казна…

Казимир посмотрел на советника.

— Вы хотели сказать, что казна пуста?

Тот смутился.

Король устало улыбнулся.

— Это мне известно и без ваших объяснений. Найдите, какие работы нельзя откладывать до лета. Остальное подождёт.

Советник записал распоряжение.

За окном зазвонили колокола. Казимир поднялся, чтобы отправиться к богослужению. Но прежде задержался возле стола и ещё раз посмотрел на копию договора.

Тринадцать лет он добивался исхода, который теперь считался победой Польши.

И всё же ему предстояло немало сделать, чтобы победа не осталась только записью на пергаменте.

В Торне после войны изменился даже порядок городских разговоров.

Во время осады или военной угрозы люди спорили о продовольствии, укреплениях, вооружённых отрядах и приближении неприятеля. Теперь на заседаниях совета чаще обсуждали торговлю, городские доходы, права землевладельцев и отношения с королевскими служителями.

Отто Беренс давно привык к тому, что спокойная жизнь не означает отсутствия разногласий.

Он занимался ремонтом городских сооружений и хорошо знал, насколько быстро всякое большое решение превращается в множество мелких забот.

Если совет постановлял восстановить переправу, требовалось найти древесину, согласовать расходы, нанять мастеров и решить, кто будет отвечать за безопасность движения. Если королевский чиновник подтверждал новые правила торговли, городским служителям приходилось объяснять их людям, привыкшим действовать по-старому.

Однако теперь в этих делах появилась особенность, которую Отто замечал всё чаще.

Горожане перестали ссылаться на великого магистра как на высшую власть.

В разговорах звучало имя Казимира.

Кто-то произносил его с уважением, кто-то с благодарностью, другие — с осторожностью. Для многих король оставался далёким человеком, которого они никогда не видели. Но его грамоты определяли права города, а его служители участвовали в разрешении важных споров.

В начале февраля Отто пригласили на заседание совета, посвящённое ремонту нескольких торговых сооружений.

Он пришёл с чертежами и расчётами. На столе лежали деревянные дощечки с размерами балок, перечни необходимых материалов и записи о прежних расходах.

Один из советников предложил оплатить работы из средств, которые прежде предназначались для содержания военных укреплений.

Другой возразил, что деньги уже обещаны на восстановление складов.

Разговор быстро превратился в спор.

Отто слушал некоторое время, затем попросил слова.

— Если мост не исправить до весеннего половодья, расходы станут больше.

— Насколько? — спросил советник.

Отто назвал приблизительную сумму.

— Почему так много?

— Потому что сейчас нужно заменить три опоры. Если вода повредит ещё две, придётся разбирать половину настила.

Один из присутствовавших заметил, что городу следует обратиться за помощью к королевским служителям.

Отто покачал головой.

— Пока они ответят, лёд уже пойдёт.

— Но город теперь находится под королевской защитой.

— Королевская защита не удержит гнилую балку.

Несколько советников улыбнулись.

Председательствовавший предложил вернуться к расчётам.

После долгого обсуждения деньги выделили.

Когда заседание закончилось, Отто собирал бумаги, а один из пожилых советников подошёл к нему.

— Ты слишком мало радуешься нашим новым порядкам, Беренс.

Отто удивился.

— Почему?

— Другие говорят о том, какие права получил город, а ты всё о мостах.

— Права важны.

— Тогда почему не говоришь о них?

Отто аккуратно сложил чертежи.

— Потому что мост всё равно придётся чинить.

Советник рассмеялся, но затем стал серьёзным.

— Ты помнишь, сколько лет мы добивались этого мира?

— Помню.

— Разве не стоило воевать ради того, что получили?

Отто задумался.

Он помнил первые годы войны, надежды горожан, страх перед орденскими гарнизонами, торговые потери и долгие ожидания новостей. Помнил людей, которых уже не было среди живых. Помнил, как изменились лица знакомых мастеров, купцов и городских служителей.

— Может быть, стоило, — ответил он. — Только тем, кто погиб, уже не объяснишь, ради чего.

Советник опустил взгляд.

— Это верно.

Они вышли из ратуши вместе. На площади торговали хлебом, рыбой и овощами. Возле колодца женщина спорила с водовозом. Несколько мальчишек гоняли деревянный обруч. На противоположной стороне улицы плотники разгружали доски.

Отто остановился возле одной из повозок.

Он заметил, что часть древесины повреждена сыростью.

— Это для переправы? — спросил он.

Возница подтвердил.

Отто осмотрел несколько досок и велел отделить негодные.

Советник, стоявший рядом, наблюдал за ним.

— Ты действительно не можешь пройти мимо дерева, не проверив его.

— Если оно пойдёт на мост, лучше проверить сейчас.

— А если не пойдёт?

Отто поднял доску и показал глубокую трещину.

— Тогда кому-нибудь не придётся за неё платить.

Они расстались. Отто направился к переправе, где его ожидали рабочие.

На реке ещё стоял лёд, но возле берегов уже появились тёмные полосы воды.

В Мариенбурге королевская власть ощущалась иначе.

Замок был слишком велик, чтобы быстро привыкнуть к перемене хозяев.

Его стены, башни и дворы сохраняли прежний облик. Человек, впервые вошедший в крепость, мог бы подумать, что здесь по-прежнему находится великомагистерская резиденция. Но внутри многое изменилось.

На месте прежних орденских служителей работали люди короля. Некоторые помещения использовали иначе, чем прежде. Часть хозяйственных книг перевезли, другие оставили в старых хранилищах. В комнатах, где когда-то обсуждали походы против Польши, теперь составляли распоряжения от имени польского государя.

Весной туда прибыл королевский чиновник, которому поручили проверить состояние хозяйства.

Его сопровождал молодой писарь Станислав.

Станислав происходил из небогатой шляхетской семьи. Он умел читать и писать на нескольких языках, разбирался в деловых документах и надеялся со временем получить должность, позволявшую содержать собственный дом.

Мариенбург он увидел впервые.

Когда повозка проехала через ворота и оказалась во внутреннем дворе, молодой человек невольно поднял голову.

Красные кирпичные стены поднимались над ним почти отвесно. Узкие окна, высокие переходы, арки и башни производили впечатление не столько крепости, сколько целого города, заключённого внутри стен.

— Большой, — произнёс Станислав.

Чиновник усмехнулся.

— Потому и дорого содержать.

Они прошли в помещение, где их ожидал управляющий.

На столе уже лежали книги расходов и перечни имущества. Управляющий подробно рассказал о состоянии крыш, хозяйственных построек, складов и водопроводных сооружений.

Станислав записывал сведения. После полудня ему поручили проверить часть старых документов, сохранившихся в одной из комнат.

Там он встретил пожилого служителя, который ещё до перехода замка под польскую власть занимался хозяйственными записями.

Старика звали Маттиасом, но к казначею Кёнигсберга он не имел никакого отношения. Он был человеком невысокого роста, с сухим лицом и длинными пальцами, пожелтевшими от чернил.

Станислав представился и попросил показать книги.

Старик молча открыл шкаф.

Внутри лежали тяжёлые тома в кожаных переплётах. Некоторые были повреждены, другие сохранились почти безупречно.

— Это всё орденские? — спросил Станислав.

— Большинство.

— А новые где?

— На другом столе.

Писарь взял одну из книг.

На первой странице стоял старый орденский знак.

— Почему вы их не переписали?

Старик посмотрел на него с удивлением.

— Зачем?

— Теперь ведь другие власти.

— Земля осталась прежней.

Станислав не сразу понял ответ. Старик продолжил:

— Если мельнице положено молоть зерно для определённого хозяйства, это записано здесь. Если деревня обязана поставлять лес, тоже записано. Если земля пожалована человеку, его право не исчезает только потому, что над замком другое знамя.

Молодой писарь осторожно перелистнул страницы.

— Но король может установить новые порядки.

— Может.

— Тогда старые книги не понадобятся.

Старик покачал головой.

— Понадобятся. Иначе как вы узнаете, что именно меняете?

Станислав замолчал. Он привык думать о победе как о событии, после которого начинается новый порядок. Теперь перед ним лежали документы, свидетельствовавшие, что этот порядок нельзя создать на пустом месте.

В книгах находились записи о сотнях людей, владениях, обязательствах и доходах. Одни были составлены десятилетия назад, другие совсем недавно.

Станислав осторожно положил книгу на стол.

— Вы давно здесь служите?

— Давно.

— И при Ордене служили?

— Да.

— А теперь при короле?

— Теперь при короле.

Молодой человек хотел спросить, не считает ли старик это изменой прежним господам, но удержался.

Служитель словно угадал его мысли.

— Я смотрю за книгами, — сказал он. — Не я решаю, кому принадлежит замок.

Вечером Станислав вышел во двор. Солнце уже садилось. На стенах лежали длинные тени. Возле конюшен работали служители, из кухни доносился запах горячего хлеба.

Он посмотрел на высокие башни. В Кракове ему говорили, что Мариенбург является одним из важнейших приобретений польской короны. Теперь он понимал, почему.

Но одновременно молодой писарь впервые задумался о людях, для которых этот замок был не трофеем, а местом службы, домом, привычным миром.

Они пережили смену власти и продолжали работать.

Станислав вернулся в помещение, где лежали книги.

Там его ожидала женщина с подростком. Старый хранитель допустил её к дверям, потому что она уже трижды приходила за выпиской о земле покойного мужа. Женщина не имела права входить в архив и стояла, положив ладонь сыну на плечо. Станислав попросил назвать селение, открыл указанную книгу и долго листал страницы. Нужная запись нашлась, но на полях оказался поздний орденский знак, означавший передачу части земли за долг. Женщина уверяла, что долг выплачен ещё до войны. Доказательства у неё не было: письмо с распиской сгорело при пожаре. Станислав уже начал писать отказ, когда старый служитель попросил проверить соседнюю книгу поступлений. Там, между записями о зерне и пошлине, действительно значилась выплата. Молодой писарь зачеркнул начатую фразу.

Женщина поблагодарила его слишком быстро, словно боялась, что он передумает. Станислав заметил, как сын тянет её к двери: ему хотелось скорее выбраться из замка. Старый хранитель молча перенёс обе книги на один стол. Теперь Станиславу пришлось оформить выписку так, чтобы новая королевская канцелярия не повторила ошибку прежней власти. Он работал до темноты, хотя собирался закончить дела к вечерней трапезе. Перед уходом приложил к копии своё имя — впервые за день он понял, для кого именно переписывает старые книги.

В Кёнигсберге известие о намерении королевских служителей уточнить исполнение условий Торнского мира вызвало тревогу.

Никаких новых военных требований польская сторона не предъявляла. Речь шла о документах, подтверждении отдельных обязательств и порядке отношений между короной и Орденом.

Но даже подобные вопросы воспринимались некоторыми братьями как вмешательство в дела, которыми прежде распоряжался великий магистр.

Людвиг фон Эрлихсхаузен ознакомился с письмом в присутствии нескольких советников.

Он ещё не оправился после болезни. Лицо его оставалось бледным, движения стали медленнее. Однако стоило разговору коснуться отношений с польской короной, как прежняя резкость вновь проявилась в его голосе.

— Они хотят знать, как мы исполняем договор?

— Да, ваша милость, — ответил Генрих Линде. — И просят подготовить сведения по нескольким вопросам.

— А кто будет проверять исполнение обязательств королём?

Никто не ответил.

Людвиг отложил письмо.

— Мы уступили земли. Признали границы. Прекратили войну. Теперь им мало этого?

Один из братьев заметил:

— Король желает убедиться, что мир будет соблюдаться.

— А я желаю того же.

Великий магистр поднялся.

— Но не собираюсь превращать управление оставшимися владениями в бесконечное оправдание перед Краковом.

Генрих понимал его раздражение. Людвиг был воспитан в представлении об Ордене как об особом духовно-рыцарском братстве, обладающем собственными правами и подчинённом установленному церковному порядку. Теперь ему приходилось соотносить действия с волей светского государя, который ещё недавно являлся его противником.

И всё же Генрих видел, что письмо не содержало ничего, выходящего за пределы договорных отношений.

— Ваша милость, — осторожно сказал он, — если мы дадим необходимые сведения, многие вопросы можно будет снять без нового спора.

Людвиг медленно повернулся к нему.

— Вы предлагаете отвечать на каждое требование?

— На те, которые вытекают из договора.

— А если королевские служители начнут толковать договор в свою пользу?

— Тогда следует опираться на его текст.

Маттиас, присутствовавший при разговоре, поддержал Генриха.

— Нам выгоднее решить такие вопросы письменно. Любая неопределённость затрудняет торговлю и сбор доходов.

Великий магистр поморщился.

— Вы снова о деньгах.

— Да, ваша милость.

Людвиг неожиданно усмехнулся.

— По крайней мере, вы последовательны.

Он вернулся в кресло.

— Подготовьте ответ. Но каждое положение сверяйте с договором. Не хочу, чтобы мы уступили больше, чем уже уступили в Торне.

Генрих поклонился. После совещания он вместе с Готфридом занялся составлением письма.

Работа оказалась сложнее, чем предполагалось.

Некоторые статьи договора допускали различное понимание. В других говорилось о правах, которые следовало осуществлять через представителей сторон. Третьи затрагивали давние орденские обычаи, не имевшие прямого отношения к польской короне.

Готфрид дважды переписал начало письма, прежде чем Генрих признал формулировку достаточно точной.

— Почему нельзя просто написать, что мы согласны исполнять мир? — спросил молодой писарь.

— Потому что это уже написано в договоре.

— Тогда чего они хотят?

— Узнать, как именно мы будем его исполнять.

— Значит, мир ещё не совсем заключён?

Генрих не согласился.

— Заключён. Но жить по нему только начинаем.

Они продолжили работу. К вечеру письмо было готово.

Генрих перечитал его, исправил несколько слов и отнёс великому магистру.

Людвиг слушал чтение внимательно. Дважды прерывал, требуя заменить слишком уступчивые выражения. В одном месте распорядился подчеркнуть, что Орден сохраняет управление своими владениями в пределах признанных договором прав.

Закончив, он устало откинулся в кресле.

— Отправляйте.

Генрих собрал бумаги.

— Ваша милость, нужно ещё назначить людей для дальнейших переговоров.

— Назначьте тех, кто умеет читать договор, а не только рассуждать о чести.

Сказав это, Людвиг отвернулся к окну.

Генрих поклонился и вышел. В Данциге королевскую победу воспринимали прежде всего через городские привилегии.

Город добился значительной самостоятельности, подтвердил свои торговые права и получил возможность развивать хозяйство без прежней зависимости от Ордена.

Но вместе с новыми возможностями появились и новые споры.

Мартин Краузе присутствовал на встрече нескольких купцов, обсуждавших торговлю с Кёнигсбергом.

Собрались в большом доме неподалёку от пристани. Хозяин предоставил гостям комнату с длинным столом, на котором лежали образцы тканей, куски воска, железные изделия и записи о ценах.

Разговор начался с пошлин.

Один из купцов жаловался, что орденские служители требуют плату, которую он считал необоснованной. Другой возражал, что городские власти Данцига сами нередко устанавливают сборы, вызывающие недовольство приезжих торговцев.

— Разница в том, — заявил первый, — что здесь мы сами можем обратиться к совету.

— А там?

— Там приходится ждать решения великого магистра.

Мартин покачал головой.

— Не всегда. Некоторые вопросы решают местные власти.

— Ты слишком часто ездишь в Кёнигсберг.

— Потому и знаю.

Разговор перешёл к ценам на зерно.

Мартин сообщил, что восточные владения Ордена нуждаются в железе, соли и ремесленных изделиях, но постепенно восстанавливают собственные хозяйственные связи.

— Значит, торговать выгодно? — спросил один из присутствовавших.

— Может быть. Если не будем ссориться из-за каждого пфеннига.

— Это говорит купец?

— Именно поэтому и говорю.

За столом рассмеялись.

Позднее, когда большинство гостей разошлось, Мартин задержался с хозяином дома.

Тот спросил, как он относится к новым отношениям между Польшей и Орденом.

— Я не политик, — ответил Мартин.

— Но торговля зависит от политики.

— Зависит. Поэтому мне и хочется, чтобы обе стороны перестали доказывать, кто сильнее.

Хозяин задумался.

— Ты считаешь, что Орден смирится?

Мартин пожал плечами.

— Люди, потерявшие половину имущества, редко сразу привыкают к этому. Особенно если прежде считали себя богатыми.

— А король?

— Король получил много. Теперь ему нужно удержать полученное.

— Ты говоришь так, словно оба недовольны.

— Может быть, так и есть.

Мартин посмотрел на огонь в камине.

— Победитель считает, что ему досталось недостаточно. Побеждённый — что он потерял слишком много. А нам приходится возить товары между ними.

Хозяин улыбнулся.

— Значит, ты опять собираешься в Кёнигсберг?

— Весной. Если дороги подсохнут.

Они простились. Мартин вышел на улицу. Данциг жил обычной портовой жизнью. У пристаней разгружали суда, в мастерских горели огни, на рыночных площадях торговали хлебом и рыбой.

Над городом развевались знамёна, свидетельствовавшие о его новом политическом положении.

Но для Мартина важнее было другое: корабли снова приходили в порт, а торговые дороги постепенно становились безопаснее.

Он направился домой, обдумывая очередной рейс. В Кракове Казимир получил ответ великого магистра в конце зимы.

Король ознакомился с письмом без видимого раздражения.

Людвиг фон Эрлихсхаузен подтверждал готовность соблюдать мир, но настойчиво подчёркивал права Ордена на внутреннее управление сохранившимися владениями. Формулировки были осторожными, местами сухими, однако не содержали открытого отказа от принятых обязательств.

Один из советников заметил, что письмо написано человеком, которому тяжело признать новое положение.

Казимир положил документ на стол.

— А кому легко признать поражение?

— Ваше величество, Орден может использовать любую возможность, чтобы уклониться от исполнения договора.

— Может.

— Следует ли потребовать более определённого ответа?

Король покачал головой.

— Пока достаточно того, что они не оспаривают мир.

Советник возразил:

— Но некоторые братья считают его временным.

— Пусть считают.

Казимир поднялся и прошёл к камину.

— Люди часто думают, что могут вернуть утраченное. Иногда это заставляет их работать усерднее. Иногда толкает на глупости. Нам нужно следить за поступками, а не за мыслями.

Советник помолчал.

— Тогда как поступить с великим магистром?

— Соблюдать договор.

Ответ прозвучал настолько просто, что собеседник не сразу нашёлся.

Казимир повернулся к нему.

— Мы требовали от Ордена признать нашу власть. Теперь, когда он это сделал, необходимо показать, что королевское слово имеет силу. Иначе зачем было заключать мир?

Он вернулся к столу.

— Подготовьте подтверждение получения письма. Если возникнут разногласия, пусть представители сторон разбирают их по статьям договора.

Советник записал распоряжение.

Король вновь обратился к документам.

Но мысли его задержались на Кёнигсберге.

Людвиг фон Эрлихсхаузен был противником, с которым Казимир боролся много лет. За это время оба государства понесли огромные потери. Король не испытывал к великому магистру дружеских чувств, но не мог не понимать, насколько тяжёлым оказалось его положение.

Война, начатая ради сохранения прежней власти, завершилась потерей значительной части владений и признанием польского верховенства.

Казимир знал, что великий магистр не стремился к такому исходу.

Но государственная жизнь редко позволяла людям выбирать между желаемым и нежелательным. Чаще приходилось выбирать между тяжёлым решением и ещё более тяжёлыми последствиями отказа от него.

Король взял письмо из Данцига.

Там снова напоминали о необходимости подтвердить отдельные городские права.

Казимир невольно усмехнулся. Победа не избавила его от необходимости договариваться.

В марте в Кёнигсберг прибыл королевский представитель с несколькими служителями.

Он не привёз войска и не требовал торжественной встречи. Его задачей было передать документы, уточнить некоторые вопросы исполнения договора и получить сведения о положении орденских владений.

Однако само появление посланника вызвало заметное волнение среди братьев.

На замковом дворе его встретили орденские служители. Лошадей отвели в конюшню, гостей проводили в приготовленные помещения.

Генрих Линде присутствовал при размещении прибывших.

Королевский представитель оказался человеком средних лет, с внимательными глазами и спокойными манерами. Он говорил по-немецки достаточно свободно, хотя иногда подбирал слова.

Его сопровождал молодой писарь, который нёс связку документов.

— Дорога была тяжёлой? — спросил Генрих.

— Не хуже других весенних дорог, — ответил посланник. — Только у одной переправы пришлось ждать почти сутки.

— Лёд?

— Вода поднялась. Паромщик не хотел рисковать.

Генрих кивнул.

— Правильно сделал.

Посланник улыбнулся.

— Он тоже так считал. Особенно когда мы предложили заплатить вдвое больше.

Они прошли через двор. По дороге посланник внимательно осматривал замок.

— Значит, здесь теперь находятся главные учреждения Ордена?

— Да.

— Давно?

— С тех пор, как великий магистр покинул Мариенбург.

Посланник не стал продолжать разговор.

Генрих заметил его сдержанность. Человек, прибывший от польского короля, мог позволить себе напомнить об обстоятельствах утраты Мариенбурга. Но не сделал этого. Возможно, счёл подобное замечание неуместным. Возможно, просто не видел в нём пользы.

На следующий день состоялся официальный приём. Людвиг фон Эрлихсхаузен встретил посланника в большом зале.

Великий магистр был одет в белый орденский плащ с чёрным крестом. Он стоял возле высокого кресла, опираясь рукой на подлокотник. Болезнь оставила следы на его лице, но держался он прямо.

Посланник поклонился и передал королевское письмо.

Генрих принял документ и положил перед великим магистром.

Людвиг прочитал его молча. Письмо содержало подтверждение мира и пожелание дальнейшего соблюдения договорных обязательств. Король выражал готовность решать возникающие вопросы через уполномоченных представителей.

— Передайте его величеству, — сказал Людвиг, — что Орден намерен исполнять заключённый договор.

Посланник поклонился.

— Король ожидает того же, ваша милость.

Некоторое время обе стороны обменивались обычными любезностями.

Затем разговор перешёл к практическим вопросам.

Обсуждали проезд торговцев, порядок получения документов, спорные платежи и некоторые обстоятельства передачи владений. В отдельных случаях стороны расходились во мнениях, но Генрих старался удерживать разговор в пределах конкретных дел.

Когда посланник затронул вопрос о подчинённом положении орденских владений, один из братьев заметно напрягся.

— Мы признаём условия мира, — произнёс он, — но это не означает, что Орден перестал обладать собственными правами.

Посланник спокойно ответил:

— Король не отрицает прав, сохранённых за Орденом договором.

— Тогда почему ваши служители требуют подтверждения некоторых распоряжений?

— Потому что эти распоряжения затрагивают обязательства перед короной.

Брат хотел возразить, но Людвиг остановил его движением руки.

— Довольно. Этот вопрос разберут наши писари.

Посланник поклонился.

Разговор продолжился в более спокойном тоне.

После приёма Генрих проводил гостей в соседнюю комнату, где подготовили стол для работы с документами.

Королевский писарь разложил бумаги.

Готфрид принёс копии орденских записей. Они начали сверять даты, печати и формулировки.

Вскоре обнаружилось, что один из документов содержит ошибку в обозначении земельного владения.

Королевский писарь указал на неточность.

Готфрид возразил, что запись сделана по старой орденской книге.

— Тогда сама книга содержит ошибку, — ответил поляк.

— Наши книги велись задолго до нынешнего мира.

— Ошибки не становятся правильными от возраста.

Генрих вмешался прежде, чем спор перешёл в неприятную перепалку.

Он попросил принести другую выписку. После проверки выяснилось, что ошибка действительно существовала, но возникла при переписывании документа несколькими годами ранее.

Готфрид смутился. Королевский писарь не стал торжествовать.

— Такое бывает, — сказал он. — У нас в Кракове тоже находят старые записи, которые приходится исправлять.

Генрих заметил, что напряжение ослабло. Они продолжили работу.

К концу дня удалось согласовать несколько вопросов, оставив остальные для дальнейшей переписки.

Когда посланник собирался уходить, Генрих спросил:

— Вы давно служите королю?

— Достаточно давно.

— Значит, видели войну?

— Видел её последствия.

Генрих кивнул. Посланник помолчал.

— Ваш великий магистр выглядит больным.

— Он много работает.

— Король тоже.

Они обменялись взглядами. Ни один не стал продолжать разговор.

Вечером Людвиг велел позвать Генриха. Великий магистр находился в своих покоях. На столе стоял нетронутый ужин. Возле окна горела свеча, освещавшая раскрытую книгу.

— Как прошли переговоры? — спросил он.

Генрих рассказал о согласованных вопросах и оставшихся разногласиях.

Людвиг слушал внимательно.

— Они ведут себя как победители?

— Скорее как люди, которым поручено исполнить договор.

Великий магистр усмехнулся.

— Осторожный ответ.

— Я не заметил намерения унизить Орден.

Людвиг медленно повернулся к нему.

— А вы думаете, унижение всегда выражается словами?

Генрих оставил вопрос без ответа. Великий магистр продолжил:

— Когда королевский посланник входит в наш замок и спрашивает, как мы исполняем обязательства, это уже напоминает о нашем положении.

— Но договор предусматривает такие отношения.

— Знаю.

Людвиг откинулся в кресле. Он задержал ответ, перебирая края лежавшего перед ним листа.

— Знаете, Линде, что меня больше всего тяготит?

Генрих ждал.

— Не то, что мы потеряли Мариенбург. Не даже то, что уступили земли. Войны заканчиваются по-разному. Побеждённые платят. Так было всегда.

Он медленно провёл рукой по столу.

— Но теперь я должен учиться быть великим магистром при чужом государе.

Генрих почувствовал тяжесть этих слов. Людвиг продолжил:

— Раньше я мог спорить с городами, с собственными братьями, с императорскими представителями. Мог обращаться к папе. Мог рассчитывать на помощь немецких князей. Всё это остаётся и сейчас. Но над нашими прусскими владениями признаны права польского короля. Любое решение приходится рассматривать с оглядкой на договор.

Он замолчал. Потом неожиданно спросил:

— А вы считаете Казимира хорошим государем?

Генрих удивился.

— Я не служил ему, ваша милость.

— Но видели его людей.

— Видел.

— И что?

— Они стараются исполнять порученное. Не все одинаково умело, но многие достаточно разумны.

Людвиг усмехнулся.

— Вы опять осторожны.

— Я говорю только о том, что знаю.

Великий магистр посмотрел на крест.

— Может быть, именно поэтому вам удаётся вести дела лучше некоторых наших братьев.

Генрих опустил глаза. Он не знал, следует ли принимать эти слова как похвалу.

Людвиг взял письмо короля.

— Подготовьте ответ. Короткий. Без ненужных обещаний и без оскорблений.

— Будет исполнено.

— И ещё…

Генрих остановился.

— Пусть казначей принесёт завтра сведения о долгах перед служителями. Я хочу знать, сколько мы действительно можем выплатить до лета.

— Передам.

Людвиг отпустил его. Когда Генрих вышел, великий магистр остался один.

Он всматривался в королевское письмо. Печать Казимира лежала перед ним на столе.

Людвиг взял документ, перевернул, рассмотрел следы воска и снова положил.

Тринадцать лет он сопротивлялся человеку, чья власть теперь была признана над оставшимися орденскими владениями.

Многие из его прежних решений казались ему необходимыми. Другие он вспоминал с горечью. Были и такие, к которым не хотел возвращаться даже мысленно.

Он не искал гибели Ордена и был уверен, что защищал его. Но этой уверенности не хватало, когда приходилось смотреть в лицо человеку, чей дом сгорел, а сын не вернулся с войны.

Но не мог отрицать, что именно при нём государство лишилось значительной части земель, а великий магистр оказался связан обязательствами перед польской короной.

Людвиг поднялся, но почти сразу почувствовал слабость.

Ему пришлось опереться на стол.

Несколько мгновений он стоял неподвижно, ожидая, пока головокружение пройдёт.

Потом медленно подошёл к окну.

Над Кёнигсбергом сгущались сумерки.

Внизу, возле ворот, караульные меняли пост. По двору проходили служители с фонарями. Из конюшни доносилось ржание лошадей.

Великий магистр прислушался к привычным звукам.

Но он всё отчётливее ощущал, что силы, которых хватало на сопротивление, теперь не хватает для спокойной жизни.

На следующий день королевский посланник покинул Кёнигсберг.

Генрих Линде проводил его до ворот. Перед отъездом они обменялись несколькими словами.

— Передайте королю, — сказал Генрих, — что мы будем продолжать работу по спорным вопросам.

— Передам.

Посланник посмотрел на замок.

— Здесь много дел.

— Достаточно.

— И у нас тоже.

Генрих улыбнулся.

— Значит, скучать не придётся.

Они простились. Повозки медленно выехали за ворота и направились по дороге, ведущей на запад.

Генрих ещё некоторое время смотрел им вслед. Затем вернулся в канцелярию.

Готфрид уже сидел за столом.

— Королевские люди уехали?

— Да.

— Теперь станет спокойнее?

Генрих снял плащ.

— На несколько дней.

Он подошёл к полке, достал книгу земельных записей и раскрыл её.

На столе лежали письма из Самбии, прошения о возвращении имущества, документы о торговых сборах и записи о военных долгах.

Готфрид взял перо.

— С чего начнём?

— С того, что ждёт дольше всего.

Они принялись работать. За окном шумел город. Кёнигсберг оставался резиденцией великого магистра. Орден продолжал управлять своими землями, собирать доходы, содержать гарнизоны и отправлять распоряжения.

На воске нового королевского письма виднелась печать Казимира. Готфрид придерживал лист за край, чтобы не надломить её, и ждал, пока Генрих найдёт в договоре нужную статью.

Польский король находился далеко.

Его служители приезжали и уезжали.

Печати на документах менялись.

А люди продолжали пахать землю, торговать, строить дома, воспитывать детей и искать справедливости у тех, кто обладал властью.

Генрих склонился над книгой. Ему предстояло решить спор двух крестьянских семей, принадлежавший ещё к довоенным годам. Обе стороны ссылались на документы, составленные в Мариенбурге.

Он разложил бумаги, сравнил записи и сделал пометку на полях.

На этот раз необходимые свидетельства удалось найти.

За дверью ждал староста, приехавший из дальнего селения.

Генрих велел пригласить его. Человек вошёл, снял шапку и осторожно поклонился.

— Говорят, теперь мы должны служить польскому королю, — произнёс он после приветствия.

Генрих оторвался от записи.

— Наши земли остаются под управлением Ордена. Но великий магистр признал верховные права короны согласно мирному договору.

Староста задумался.

— Значит, налоги будем платить дважды?

— Нет. Такого порядка договор не устанавливает.

— А если кто-нибудь потребует?

— Пусть покажет распоряжение.

Староста кивнул.

— Я потому и спрашиваю. У нас люди тревожатся.

Генрих предложил ему сесть.

— Расскажите, что именно произошло.

Староста начал объяснять.

Речь шла о двух служителях, которые в разных местах потребовали плату за перевозку зерна. Один ссылался на прежний орденский сбор, другой утверждал, что теперь действует новый порядок.

Генрих попросил предъявить расписки. Он внимательно изучил их.

Одна была составлена правильно. Другая не содержала необходимого основания.

Генрих сделал запись и подготовил письмо местному управляющему.

— До выяснения обстоятельств второй сбор требовать нельзя.

Староста облегчённо вздохнул.

— Спасибо.

Он поднялся, но возле двери остановился.

— Можно ещё спросить?

— Спрашивайте.

— А кто теперь у нас главный? Великий магистр или король?

Генрих на мгновение задумался. Он мог бы ответить длинным объяснением о договорных правах, владениях, присяге и верховенстве короны. Но перед ним стоял человек, которому нужно было знать, к кому обращаться в случае несправедливого требования.

— По вашим повседневным делам, — сказал Генрих, — обращайтесь к орденскому управляющему. Если он нарушает установленный порядок, жалуйтесь в вышестоящую орденскую власть. А отношения между великим магистром и королём определены договором.

Староста помолчал.

— Значит, пока всё как прежде?

— Не совсем.

— А что изменилось?

Генрих посмотрел на раскрытую книгу.

— Теперь и великий магистр обязан считаться с властью польской короны.

Староста медленно кивнул.

— Понятно.

Он поклонился и вышел. Готфрид, слышавший разговор, поднял голову.

— Вы думаете, он действительно понял?

Генрих закрыл книгу.

— Думаю, он понял главное: завтра ему всё равно придётся ехать домой и заниматься своим хозяйством.

Готфрид улыбнулся. За окном показалось солнце. В замковом дворе рабочие переносили древесину, приготовленную для ремонта хозяйственных построек. Возле ворот ожидали новые просители.

Генрих взял следующее письмо. В Кракове король Казимир в тот же день занимался совершенно другими делами.

Он принимал представителей польской знати, обсуждал вопросы королевских доходов и разбирал просьбы о назначениях.

Пруссия занимала важное место среди его забот, но далеко не единственное. Польская корона объединяла земли, интересы которых не всегда совпадали. Король должен был учитывать права шляхты, требования городов, отношения с соседними государствами и положение собственных владений.

Вечером королю принесли письма из Данцига и Торна, а также донесение об орденских владениях.

Казимир прочитал последнее и отложил его. Советник спросил:

— Ваше величество, следует ли отвечать немедленно?

Король посмотрел на усталого служителя.

— Завтра.

— Но вопрос касается исполнения мира.

— Именно поэтому и подождёт до утра.

Советник поклонился.

Казимир поднялся. Он долго сидел за столом, и ноги затекли. Король прошёл по комнате, остановился возле окна и посмотрел на тёмный двор.

Там горели несколько факелов.

Вдали слышался колокольный звон.

Казимир вспомнил, как много лет назад к нему прибыли представители прусских сословий, просившие принять их под свою власть.

Тогда решение казалось одновременно возможностью и огромным риском. Приняв их просьбу, он вступил в противоборство с государством, которое обладало сильными крепостями, военными традициями и обширными владениями.

Война затянулась гораздо дольше, чем ожидали многие.

Король потерял людей, деньги и время. Ему приходилось преодолевать сопротивление собственных подданных, не желавших бесконечно оплачивать военные расходы. Он заключал соглашения, искал союзников, терпел неудачи и вновь собирал средства.

Теперь война закончилась.

Казимир не испытывал желания снова начинать её ради того, чтобы заставить Орден признать ещё несколько дополнительных требований.

Ему было достаточно того, что достигнутое соглашение сохраняло силу.

Он повернулся к советнику.

— Завтра подготовьте ответ в Кёнигсберг.

— Что написать?

— Что король ожидает соблюдения мира и сам намерен соблюдать его условия.

Советник поклонился.

Казимир добавил:

— И пусть наши служители не создают споров там, где их можно избежать.

— Будет исполнено.

Король отпустил его.

Когда дверь закрылась, Казимир ещё некоторое время стоял у окна.

Однако сегодня у него имелись другие заботы.

Завтра предстояло заседание совета, затем приём послов, после чего требовалось рассмотреть денежные дела.

Казимир отошёл от окна и велел подать ужин. В Кёнигсберге мартовский ветер разгонял облака над замком.

Людвиг фон Эрлихсхаузен сидел в своих покоях. На столе перед ним лежала копия Торнского договора. Рядом находились письма, подготовленные Генрихом Линде, и записи казначея.

Великий магистр пытался работать, но внимание всё чаще рассеивалось. Он перечитывал одну и ту же строку, забывал, зачем взял следующий документ, иногда надолго останавливался, прислушиваясь к собственному дыханию.

Лекарь советовал ему отказаться от дел хотя бы на несколько дней.

Людвиг не согласился. Вечером пришёл Маттиас с очередным отчётом.

Он осторожно положил книгу на стол.

— Ваша милость, поступления за последние недели несколько улучшились.

— Насколько?

Казначей назвал сумму. Людвиг кивнул.

— Значит, сможем выплатить часть долгов?

— Да. Но не все.

— Вы когда-нибудь принесёте мне книгу, в которой не будет долгов?

Маттиас позволил себе слабую улыбку.

— Надеюсь, ваша милость.

Людвиг медленно повернулся к нему.

— Я тоже.

Они разобрали несколько вопросов. Затем казначей собрал документы и поклонился.

— Вам следует отдохнуть.

Великий магистр раздражённо махнул рукой.

— Все теперь советуют мне отдыхать.

— Потому что видят, как вы устали.

Людвиг ничего не ответил. Маттиас вышел. Оставшись один, великий магистр медленно поднялся и подошёл к окну.

Внизу, возле замковых ворот, стояли несколько повозок. Люди разгружали мешки с зерном. Один из служителей проверял записи, другой пересчитывал груз.

Людвиг смотрел на них долго. Он знал, что эти люди не думают сейчас о Торнском договоре. Их заботило количество мешков, состояние лошадей, необходимость закончить работу до темноты.

И всё же именно для того, чтобы подобная работа могла продолжаться, Орден содержал замки, управлял землями, собирал доходы и назначал служителей.

Великий магистр вспомнил собственную молодость.

Тогда ему казалось, что служение Ордену требует прежде всего мужества, верности и готовности защищать веру оружием. Позднее он понял значение управления, денег и дипломатии. Но даже став великим магистром, долго продолжал верить, что решительность способна преодолеть почти любое препятствие.

Теперь он знал цену этой уверенности.

За годы его правления Орден потерял земли, крепости и множество людей. Победителем стал польский король, а великий магистр был вынужден признать его верховенство над оставшейся Пруссией.

Однако Людвиг не мог принять мысль, что всё совершённое им было напрасным.

Он удержал часть государства. Сохранил братство. Добился мира, позволявшего людям вернуться к обычной жизни.

Эти достижения казались ему слишком малыми по сравнению с утраченным, но отрицать их он тоже не мог.

Людвиг отошёл от окна. На стене висел деревянный крест, привезённый из Мариенбурга.

Он остановился перед ним. Впервые за долгое время великий магистр не стал мысленно перечислять утраченные крепости и земли.

Он думал о людях. О братьях Ордена, погибших на войне. О наёмниках, которым не сумели заплатить. О крестьянах, потерявших хозяйства. О городах, восставших против прежней власти. О тех, кто продолжал служить ему, несмотря на поражения.

И о Казимире.

Польский король оставался его противником, но теперь их связывал мирный договор, исполнение которого зависело от обоих государей.

Людвиг медленно опустился на колени перед крестом.

Он не произнёс длинной молитвы. Слова давались ему трудно.

— Господи, — прошептал он, — дай мне силы сохранить то, что осталось.

Некоторое время он стоял неподвижно.

Потом попытался подняться.

В груди возникла резкая боль. Людвиг ухватился за край стола, но ноги ослабели. Он опустился в кресло и долго сидел, стараясь восстановить дыхание.

За дверью послышались шаги.

Служитель осторожно постучал.

— Ваша милость?

Людвиг хотел ответить, что занят. Но голос не сразу подчинился.

— Войдите.

Служитель открыл дверь.

Увидев лицо великого магистра, он испугался.

— Позвать лекаря?

Людвиг собирался отказаться, но почувствовал новую волну слабости.

— Позовите.

Служитель поспешно вышел.

Великий магистр откинулся в кресле.

На столе лежали бумаги, которые он ещё утром намеревался закончить.

Рядом лежали письмо королю, распоряжение о денежных выплатах и сведения о нескольких орденских хозяйствах.

Людвиг посмотрел на них. Потом перевёл взгляд на крест.

В комнате было тихо.

С улицы доносился шум повозок, возвращавшихся в город после дневной работы.

Он закрыл глаза. На этот раз великий магистр не пытался подняться и снова взяться за перо.

Глава 51. Смерть великого магистра

Кёнигсберг — Самбия — Бальга. Март — апрель 1467 года.

В последние мартовские дни над Кёнигсбергом стояла непривычная для ранней весны тишина. Снег сошёл почти полностью, лишь под северными стенами замка сохранялись грязные, слежавшиеся полосы льда. По утрам над Прегелем поднимался холодный туман, скрывавший противоположный берег и мачты немногочисленных судов, ожидавших начала оживлённой навигации. Днём ветер разгонял сырость, обнажая почерневшие крыши, мокрые мостовые и развороченные колёсами дороги.

Город готовился к весне. На пристанях смолили лодки, возле складов просушивали доски, ремесленники выносили на улицу инструменты, которые всю зиму приходилось держать в тесных мастерских. У городских ворот крестьяне продавали первые привезённые из дальних селений припасы. Рыбаки разбирали сети, отыскивая повреждения, оставленные зимним хранением.

Кёнигсберг постепенно возвращался к жизни, в которой главным событием дня становился не приход вооружённого отряда, а прибытие торгового судна, изменение цены на зерно или очередной спор о городской повинности.

Но за стенами замка настроение было иным.

Великий магистр Людвиг фон Эрлихсхаузен тяжело заболел.

Сначала об этом говорили вполголоса. Служители замечали, что он всё реже выходит из покоев и всё чаще принимает должностных лиц сидя. Потом из распорядка исчезли привычные совещания, а распоряжения стали передавать через ближайших помощников. Наконец лекарь потребовал, чтобы к больному перестали допускать всех, кроме самых необходимых людей.

Этим требованием великий магистр остался недоволен.

Вместо того чтобы послушать лекаря, Людвиг потребовал принести ему список крепостей, нуждавшихся в ремонте. Он рассердился, обнаружив возле названия Бальги отметку о нехватке леса, и попытался продиктовать распоряжение. Но не успел закончить фразу: пришлось замолчать, чтобы перевести дыхание. Генрих Линде, стоявший рядом с книгой, впервые не поторопил писаря записывать слова правителя.

Теперь тело впервые перестало ему подчиняться.

Утром, когда Генрих Линде принёс несколько документов на подпись, великий магистр сидел в кресле возле окна. На коленях лежало тяжёлое покрывало. Лицо, прежде суровое и подвижное, казалось почти неподвижным, а кожа приобрела нездоровую желтоватую бледность. На столике рядом с креслом стояла чашка с остывшим лекарственным отваром.

Генрих остановился у двери. Людвиг заметил его и попытался выпрямиться.

— Принесли?

— Да, ваша милость.

— Давайте.

Генрих приблизился и положил бумаги на стол. Первый документ касался поставок древесины для ремонта замковых построек. Второй — подтверждения земельного владения, права на которое оспаривали две семьи. Третий представлял собой письмо из одного из восточных комтурств: там просили разрешить уменьшение гарнизона, поскольку содержать прежнее количество вооружённых людей стало невозможно.

Людвиг прочитал первый лист, взял перо и долго не мог поставить подпись.

Пальцы дрожали.

Он заметил взгляд Генриха и раздражённо положил перо.

— Чернила густые.

Генрих проверил чернильницу. Чернила были обычными.

Он ничего не сказал, лишь осторожно подвинул документ ближе к креслу.

Великий магистр снова взял перо. На этот раз подпись получилась, хотя последняя буква вышла неровной.

Людвиг некоторое время смотрел на неё.

— Остальные оставьте.

— Их можно передать на рассмотрение совету.

— Я сам рассмотрю.

Генрих поклонился, но не ушёл. Великий магистр поднял глаза.

— Что ещё?

— Лекарь просил не утомлять вас делами.

— Лекарь не управляет Орденом.

— Нет, ваша милость.

— Тогда почему все повторяют его слова?

Генрих помолчал.

— Потому что вы больны.

Ответ прозвучал слишком прямо.

Людвиг нахмурился, но не рассердился. Он хотел что-то сказать, однако внезапно закашлялся. Приступ продолжался долго. Генрих подал ему воду, поддержал сосуд, пока великий магистр пил, и только после этого отступил.

Людвиг откинулся в кресле. Несколько мгновений он дышал тяжело, прикрыв глаза.

— Когда-то, — произнёс он наконец, — мне казалось, что старость начинается после семидесяти лет.

Генрих оставил вопрос без ответа.

— А теперь посмотрите на меня.

В его голосе не было привычного раздражения. Скорее удивление человека, обнаружившего, что собственная жизнь оказалась короче, чем он предполагал.

За окном скрипнула повозка. Людвиг повернул голову на звук.

— Что там привезли?

— Зерно для замковых складов.

— Проверили?

— Проверяют.

— Хорошо.

Он снова прикрыл глаза. Генрих собирался уходить, когда великий магистр спросил:

— Рейсс фон Плауэн прибыл?

— Пока нет.

— Пошлите ему известие, что я желаю его видеть.

— Будет исполнено.

Людвиг открыл глаза.

— И не пишите, что я умираю.

Генрих остановился.

— Я этого и не собирался писать.

— Хорошо.

Великий магистр устало отвернулся.

Генрих собрал документы, оставив те, которые больной пожелал сохранить, и вышел.

В коридоре его ожидал Маттиас.

Казначей сразу понял по лицу Генриха, что состояние Людвига не улучшилось.

— Подписал?

— Один документ.

— А остальные?

— Оставил у себя.

Маттиас тяжело вздохнул.

— Завтра снова спросят.

— Значит, объясним.

Они пошли по длинному коридору. За стеной слышались удары молотка: плотники ремонтировали деревянную перегородку, установленную между двумя помещениями канцелярии.

Маттиас поморщился.

— Не могли выбрать другое время?

Генрих посмотрел на рабочих.

— Если отложим, потом скажут, что канцелярия опять работает в тесноте.

Они продолжили путь. Лишь возле лестницы Маттиас остановился.

— Как думаете, поправится?

Генрих не захотел отвечать поспешно. Он видел великого магистра почти каждый день и замечал, как быстро тот теряет силы. Ещё зимой Людвиг мог долго спорить с советниками, ходить по комнате, требовать новые документы. Теперь даже чтение нескольких листов давалось ему с трудом.

— Не знаю, — сказал Генрих.

Маттиас кивнул. Он не стал расспрашивать дальше.

Оба понимали, что болезнь великого магистра скоро может стать вопросом не только человеческого сострадания, но и судьбы государства.

Генрих Рейсс фон Плауэн получил известие о болезни великого магистра в Бальге.

Ему было уже немало лет. За долгую службу в Ордене он видел времена относительного благополучия, начало разрушительного противостояния с прусскими городами и все основные бедствия Тринадцатилетней войны. Он командовал людьми, отвечал за крепости, принимал решения, от которых зависела оборона целых областей.

Опыт не сделал его мягким человеком.

Но научил отличать положение, которое можно исправить силой, от положения, в котором сила только ускорит гибель.

После Торнского мира он всё чаще занимался не военными приготовлениями, а хозяйственными вопросами. Ему приходилось проверять состояние гарнизонов, разбирать долги, договариваться с местными властями и искать средства на содержание орденских учреждений.

Известие из Кёнигсберга застало его за рассмотрением дела о продовольственных поставках.

Писарь, передавший письмо, ожидал распоряжения.

Генрих фон Плауэн прочитал документ дважды. Потом медленно сложил.

— Когда прибыл гонец?

— Сегодня утром.

— Лошадь устала?

— Сильно.

— Пусть отдохнёт. И накормите человека.

Он поднялся из-за стола и подошёл к окну. Снаружи виднелись крепостные стены, над которыми кружили вороны. Далеко за ними лежала земля, истощённая войной и требовавшая теперь больше терпения, чем воинской решимости.

Рейсс фон Плауэн хорошо знал Людвига.

Они не всегда соглашались между собой. Великий магистр отличался порывистостью, тяжело переносил возражения, нередко принимал решения под влиянием обстоятельств, которые считал неотложными. Генрих же предпочитал сначала выяснить, какими средствами располагает, и только потом обещать то, что предстояло исполнить.

Во время войны эти различия не раз становились причиной напряжённых разговоров.

Но спорить с Людвигом было легче, когда тот оставался здоровым и мог ответить со всей обычной резкостью.

Теперь из письма следовало, что великий магистр тяжело болен и желает видеть его.

Генрих позвал ближайшего служителя.

— Подготовьте дорогу в Кёнигсберг.

— Когда выезжаем?

— Завтра на рассвете.

— А дела комтурства?

— Передайте моему заместителю. Пусть не откладывает решения, которые может принять сам.

Служитель поклонился.

Когда он ушёл, Генрих вернулся к столу.

Перед ним оставалась раскрытая книга продовольственных расходов. Несколько строк требовали проверки. Он попробовал сосредоточиться на цифрах, но мысли возвращались к письму.

Он не верил, что Людвиг позвал его только ради обычного совета.

В последние месяцы вопрос о будущем руководстве Орденом возникал всё чаще, хотя никто не решался обсуждать его открыто в присутствии великого магистра.

Не потому, что Людвиг запрещал такие разговоры. Просто все привыкли считать его власть частью существующего порядка.

За семнадцать лет правления многое изменилось. Орден потерял Мариенбург, западные земли, большую часть прежнего богатства и политическую независимость в той форме, в какой обладал ею до войны.

Но великий магистр оставался тем же человеком.

Он подписывал распоряжения, назначал служителей, принимал послов, требовал отчётов. Даже поражение не лишило его привычки управлять всем лично.

Теперь привычный порядок мог оборваться.

Генрих закрыл книгу. Он подумал о том, что наследнику великомагистерской власти достанутся не только титул и белый плащ с чёрным крестом.

Ему достанутся долги, разорённые хозяйства, недовольные братья, трудные отношения с городами и необходимость признавать верховные права польского короля.

И всё же отказ от руководства не избавит Орден от этих бед.

Кто-то должен будет принять их на себя.

В Самбии весенние работы начались позднее обычного.

Земля долго оставалась мокрой, и крестьяне не могли вывести плуги в поле. На низких участках стояла вода, в колеях сохранялась грязь. Люди тревожно смотрели на небо, ожидая нескольких сухих дней.

Марта, вдова погибшего орденского служилого крестьянина, вместе с сыном Петером готовила небольшой участок к пахоте.

После поездки Петера в Кёнигсберг их дело наконец получило письменное подтверждение. Орденская канцелярия признала, что лошадь была взята для военных нужд и не возвращена владельцам.

Однако признание долга не означало немедленного возмещения.

Марта хорошо понимала эту разницу.

В прежние годы она уже не раз получала обещания, за которыми не следовало ничего.

Теперь у неё имелась новая бумага, аккуратно сложенная и завёрнутая в полотно. Петер относился к ней почти благоговейно. Он сам ездил в замок, говорил с писарем и видел, как тот внёс запись в большую книгу.

Для юноши это казалось настоящим успехом.

Мать не разделяла его уверенности.

Однажды утром к их двору пришёл староста.

Он сообщил, что управляющий согласился предоставить на несколько дней рабочую лошадь из орденского хозяйства, если семья обеспечит корм и вернёт животное к установленному сроку.

Петер обрадовался. Марта спросила, сколько придётся заплатить.

— Ничего сверх корма, — ответил староста. — Так распорядились.

— А если лошадь заболеет?

Староста пожал плечами.

— Тогда придётся разбирать дело.

Марта нахмурилась.

— Опять разбирать.

Староста не обиделся.

Он тоже устал от бесконечных разбирательств.

— Можешь не брать, — сказал он. — Но другой лошади у меня для тебя нет.

Марта посмотрела на сына.

Петер стоял возле сарая, слушая разговор. На его лице было столько надежды, что она не решилась отказаться.

— Возьмём, — сказала Марта. — Только пусть запишут, в каком состоянии нам её дают.

Староста улыбнулся.

— Совсем как настоящий управляющий говоришь.

— За свою лошадь я уже заплатила.

Через два дня животное привели.

Это была немолодая гнедая кобыла с широкой грудью и потёртой упряжью. Она двигалась медленно, но была спокойной и привычной к тяжёлой работе.

Петер несколько раз обошёл её, проверил копыта, заглянул в рот, осторожно провёл ладонью по шее.

Марта наблюдала за ним из дверей.

— Не мучай животное.

— Я смотрю, здоровая ли.

— Смотри, только не забывай, что пахать надо.

На следующий день они вышли в поле. Петер держал рукояти плуга. Сосед, согласившийся помочь, вёл лошадь. Марта шла следом, разбивая крупные комья земли мотыгой.

Работа давалась тяжело.

Земля ещё не просохла как следует, плуг временами вяз, и приходилось останавливать лошадь, очищать лемех, поправлять упряжь.

К полудню Петер промок от пота.

Марта принесла хлеб и немного сыра. Они сели на краю поля, возле старой яблони.

Сосед, мужчина по имени Ульрих, долго рассматривал вспаханную полосу.

— Хорошо идёт, — сказал он.

Петер улыбнулся.

— Завтра закончим.

Марта посмотрела на небо.

— Если дождя не будет.

Ульрих отломил кусок хлеба.

— А говорят, великий магистр болен.

Марта повернулась к нему.

— Сильно?

— Так рассказывают люди, приехавшие из Кёнигсберга.

Петер поднял голову.

— Тот самый, которому мы писали?

— Ему самому, — ответил сосед.

Мальчик задумался.

— А если он умрёт, нам лошадь вернут?

Марта укоризненно посмотрела на сына.

— Петер.

— Я ведь только спрашиваю.

Ульрих пожал плечами.

— Лошадь тебе дал управляющий, не сам магистр.

— Но бумага из его замка.

— Бумага останется, — сказала Марта.

Она произнесла это твёрже, чем чувствовала. За годы войны она научилась опасаться всякой перемены власти. Каждый новый начальник требовал заново объяснять обстоятельства, которые прежний обещал уладить.

Её муж погиб, лошадь пропала, долг остался.

И теперь даже болезнь далёкого великого магистра могла показаться причиной нового несчастья.

Петер доел хлеб и поднялся.

— Пойдём пахать.

Марта собрала посуду.

Они вернулись в поле. За весь оставшийся день о великом магистре больше не говорили.

Рейсс фон Плауэн прибыл в Кёнигсберг в конце марта.

Путешествие утомило его. Дороги оказались хуже, чем ожидалось. Несколько раз пришлось объезжать размытые участки, а возле одной переправы путники задержались из-за высокой воды.

У замковых ворот Генриха встретил служитель, проводивший его в приготовленные покои.

Он почти сразу попросил известий о здоровье Людвига.

Ответ оказался кратким.

Великий магистр продолжал слабеть.

Рейсс фон Плауэн снял дорожный плащ, умылся и велел проводить его к больному.

В комнате было тепло. Возле стены стояла жаровня, окно прикрывала плотная ткань. На столике находились лекарственные сосуды и небольшой серебряный кубок.

Людвиг лежал на постели. Услышав шаги, он повернул голову.

— Генрих.

Рейсс фон Плауэн приблизился и поклонился.

— Ваша милость.

— Долго ехали.

— Дороги плохие.

Людвиг попытался улыбнуться.

— Дороги в Пруссии всегда плохи весной.

Генрих сел на предложенный стул. За стеной негромко переговаривались служители.

Рейсс фон Плауэн внимательно рассматривал великого магистра. Он видел, насколько тот изменился. Ещё несколько месяцев назад Людвиг мог горячо спорить о военных долгах и условиях мира. Теперь каждое слово давалось ему с трудом.

— Как дела в Бальге? — спросил Людвиг.

— Управление продолжается. Доходы меньше прежних, но некоторые хозяйства восстанавливаются. Весной будем ремонтировать несколько дорог.

— Гарнизон?

— Сократил часть расходов. Оставил столько людей, сколько действительно необходимо.

Людвиг кивнул.

— Правильно.

— Вы всегда говорили мне об этом.

Рейсс фон Плауэн не стал отрицать.

— Не только я.

— Но вы чаще других.

Людвиг отвернулся к окну.

— Иногда мне казалось, что вы слишком осторожны.

— А мне — что ваша милость слишком торопится.

Они посмотрели друг на друга. Слабая улыбка появилась на лице больного.

— Значит, оба остались при своём мнении.

— Не во всём.

Людвиг закрыл глаза. После недолгого молчания он произнёс:

— Мир заключён.

— Да.

— Орден сохранился.

— Сохранился.

— Но положение тяжёлое.

— Очень.

Людвиг повернул голову.

— Что бы вы сделали на моём месте?

Генрих не ответил сразу. Он понимал, что вопрос относится не к отдельному распоряжению, а ко всему положению Ордена после войны.

— Прежде всего, — сказал он, — перестал бы считать каждый утраченный замок частью нынешнего государства.

Людвиг медленно открыл глаза.

— Вы думаете, я ещё считаю?

— Иногда.

Великий магистр не рассердился.

— Может быть.

Генрих продолжил:

— Затем привёл бы расходы в соответствие с доходами. Уменьшил содержание ненужных гарнизонов. Постарался бы вернуть в хозяйственный оборот заложенные земли, где это возможно. И договорился бы с городами о торговле.

— С польскими городами?

— С теми, через которые проходят наши товары.

Людвиг нахмурился.

— Они воевали против нас.

— Война окончена.

— Для них, может быть.

Генрих посмотрел на больного внимательно.

— И для нас тоже, ваша милость. Иначе мы не сможем восстановить оставшееся.

Людвиг тяжело вздохнул.

— Вы говорите так, будто мне нужно забыть тринадцать лет.

— Нет. Но нельзя управлять страной так, словно эти тринадцать лет ещё продолжаются.

Наступило молчание.

Снаружи донёсся шум воды.

Людвиг долго смотрел на край покрывала.

— Когда мы потеряли Мариенбург, — произнёс он наконец, — я думал, что главное — вернуть замок. Потом потеряли другие крепости. Я думал, что нужно удержать хотя бы их. Затем уже пришлось бороться за саму возможность продолжать войну.

Он остановился, переводя дыхание. Генрих не торопил его.

— А теперь всё кончилось, — продолжил великий магистр. — И вы говорите, что нужно начать с хозяйства.

— Да.

— Мельницы, дороги, зерно, налоги.

— Именно.

Людвиг смотрел на него с усталой иронией.

— Великий магистр, который занимается мельницами.

— Лучше магистр с мельницами, чем без хлеба.

Людвиг неожиданно рассмеялся. Смех сразу перешёл в кашель. Рейсс фон Плауэн помог ему приподняться, подал воду, дождался, пока приступ закончится.

Когда больной снова лёг, лицо его стало ещё бледнее.

— Вы тяжёлый человек, Генрих, — прошептал он.

— Мне говорили.

— Но, пожалуй, именно такие теперь нужны Ордену.

Рейсс фон Плауэн опустил глаза.

Он понял, что разговор подошёл к самому трудному.

Людвиг некоторое время собирался с силами.

— Если со мной что-нибудь случится, — сказал он, — нельзя допустить ссоры между братьями.

— Не допустим.

— Не обещайте слишком легко.

— Я не привык обещать легко.

— Хорошо.

Он протянул руку. Генрих осторожно взял её. Ладонь больного была горячей и сухой.

— Не дайте им снова начать войну, — произнёс Людвиг.

Рейсс фон Плауэн посмотрел на него.

В этих словах не было отказа от орденских прав или признания правоты противников. Было лишь понимание, какой ценой досталась последняя война.

— Сделаю всё, что смогу, — ответил Генрих.

Людвиг отпустил его руку. Он устал. Рейсс фон Плауэн поднялся, поклонился и направился к двери.

У самого выхода его остановил тихий голос.

— Генрих.

Он обернулся.

— Если будут говорить, что я погубил Орден…

Людвиг замолчал. Рейсс фон Плауэн ждал. Великий магистр с усилием продолжил:

— Не спорьте с каждым. Лучше сохраните то, что осталось.

Генрих поклонился. На этот раз он не стал отвечать.

На следующий день Рейсс фон Плауэн встретился с несколькими старшими братьями и должностными лицами.

Совещание проходило без великого магистра. Его состояние не позволяло участвовать в делах.

Присутствующие старались говорить спокойно, но общее беспокойство было заметно.

Один из братьев предложил заранее обсудить порядок управления на случай смерти Людвига.

Другой резко возразил, что подобный разговор непристоен, пока великий магистр жив.

Рейсс фон Плауэн выслушал обоих.

— Мы будем молиться о его выздоровлении, — сказал он. — Но хозяйственные дела нельзя оставить без управления.

Он попросил Маттиаса представить сведения о денежных обязательствах.

Казначей разложил книги. В них находились долги перед бывшими наёмниками, расходы на содержание замка, обязательства по поставкам, задолженности отдельных комтурств.

Некоторые суммы были подтверждены, другие требовали проверки.

Рейсс фон Плауэн внимательно изучил записи.

— Сколько можно выплатить до осени?

Маттиас назвал сумму.

— А если урожай будет плохим?

— Меньше.

— Если торговля оживится?

— Возможно, больше. Но рассчитывать на это заранее опасно.

— Значит, составим два порядка расходов. Один — на случай хороших поступлений. Другой — если доходы останутся нынешними.

Маттиас посмотрел на него с одобрением. Один из братьев возразил:

— Но великий магистр ещё не умер. Кто дал право менять распоряжения?

Рейсс фон Плауэн поднял глаза.

— Я не меняю его распоряжений. Я прошу казначея выяснить, что Орден сможет исполнить.

— Это должен решать великий магистр.

— Если он поправится, мы представим ему расчёты.

Брат не нашёл ответа.

Совещание продолжилось. После него Генрих Линде подошёл к Рейссу фон Плауэну.

— Ваша милость, можно обратиться с одним вопросом?

— Говорите.

— В канцелярии остаются распоряжения, требующие подтверждения великого магистра. Некоторые нельзя откладывать.

— Какие?

Генрих перечислил несколько дел. Среди них находилось прошение о земельном владении, выплаты бывшим служителям и разрешение на использование орденского скота для весенних работ в одном из самбийских селений.

Рейсс фон Плауэн внимательно выслушал.

— Что вы предлагаете?

— Разделить дела. Те, которые относятся к обычному хозяйственному управлению, передать соответствующим должностным лицам. Остальные оставить до решения великого магистра или установленного порядка временного управления.

— Не следует заставлять людей ждать из-за болезни одного человека.

Рейсс фон Плауэн посмотрел на него с интересом.

— Давно служите в канцелярии?

— Достаточно давно.

— Вы были в Мариенбурге?

— Да.

— Тогда знаете, сколько бумаги приходится испортить, прежде чем найдётся правильное решение.

Генрих едва заметно улыбнулся.

— Знаю.

— Подготовьте перечень. Мы рассмотрим его.

На этом разговор закончился.

Но Генрих почувствовал, что перед ним человек иного склада.

Рейсс фон Плауэн не пытался сразу распорядиться всем. Он задавал вопросы, требовал сведения и только после этого принимал решение.

Генрих не знал, станет ли тот новым великим магистром.

Однако впервые за последние недели у него появилось ощущение, что даже в случае смерти Людвига работа канцелярии не остановится.

В ночь на четвёртое апреля великий магистр почувствовал себя хуже.

Лекарь, находившийся неподалёку от покоев, был вызван ещё до полуночи. Он осмотрел больного, приготовил лекарство и велел поддерживать тепло.

Людвиг почти не говорил. Иногда открывал глаза и пытался спросить о времени, но голос становился всё слабее.

Возле постели находился священник.

Рейсс фон Плауэн прибыл вскоре после того, как ему сообщили о резком ухудшении состояния.

Он вошёл тихо. В комнате горели свечи. Несколько служителей стояли у стены. На столике лежали небольшой крест и сосуд со святой водой.

Людвиг узнал его. Он попытался протянуть руку. Генрих приблизился.

— Я здесь, ваша милость.

Великий магистр хотел что-то сказать, но смог произнести лишь несколько неразборчивых слов.

Рейсс фон Плауэн наклонился.

— Не тревожьтесь о делах.

Людвиг медленно повернулся к нему. В глазах больного ещё сохранялось сознание, но силы покидали его.

Священник начал молитву.

Служители опустились на колени.

Генрих остался возле постели. Он видел смерть многих людей. На войне она часто приходила внезапно, среди шума оружия, криков и неразберихи. Иногда человек погибал прежде, чем успевал понять, что произошло. Иногда умирал долго, мучительно, зовя тех, кто уже не мог ему помочь.

Здесь всё происходило иначе.

Великий магистр лежал в тёплой комнате, окружённый людьми, которые знали его много лет. За стенами продолжалась обычная замковая жизнь. Внизу сторожа обходили двор, на кухне готовили утреннюю пищу, конюхи проверяли лошадей.

Возле постели обнаружилась мелочь, которой никто не предусмотрел: старому служителю не хватило чистой воды, чтобы сменить влажную ткань на лбу больного. Он хотел послать мальчика на кухню, но тот уже ушёл за священником. Рейсс фон Плауэн сам принёс сосуд из соседней комнаты. Служитель принял его, не поднимая глаз. Людвиг ощупал край покрывала, словно искал что-то привычное. Генрих придвинул к его руке маленькое деревянное распятие. Пальцы больного задержались на нём, потом ослабели. Никто не стал толковать этот жест. Лекарь проверил пульс, а служитель осторожно сменил ткань.

Никто не штурмовал крепость.

Не было врага, которого следовало отражать.

И всё же Генриху казалось, что сейчас Орден теряет ещё одну часть своего прежнего мира.

Под утро дыхание Людвига стало прерывистым.

Лекарь осторожно коснулся его руки, затем посмотрел на священника.

Тот продолжил молитву.

Рейсс фон Плауэн стоял неподвижно.

Когда великий магистр сделал последний вдох, никто сразу не произнёс ни слова.

Лекарь подождал, затем склонил голову.

— Он умер.

Священник завершил молитву.

Служители перекрестились.

Генрих Рейсс фон Плауэн медленно опустился на колени возле постели.

Когда остальные братья поднялись, Генрих всё ещё оставался на коленях. Он слышал, как у двери договариваются, кто известит комтуров и где хранить печати до решения совета. Ему хотелось заставить их замолчать хотя бы на несколько минут, но он не сделал этого: пока в комнате лежал Людвиг, за дверью уже ожидали люди, которым необходимо было знать, чья подпись станет действительной завтра. Генрих подошёл к постели и поправил край покрывала, сползший на пол. Затем велел вынести бумаги с незаконченного стола, не нарушая их порядка.

Людвиг фон Эрлихсхаузен, великий магистр Тевтонского ордена, умер четвёртого апреля 1467 года.

Ему было немного за пятьдесят.

Семнадцать лет он возглавлял Орден.

При нём началась и закончилась Тринадцатилетняя война, был утрачен Мариенбург, значительная часть Пруссии перешла под власть польской короны, а великомагистерская резиденция оказалась в Кёнигсберге.

Но в комнате не было ни победителей, ни побеждённых.

Был мёртвый человек.

И несколько старых братьев, которые слишком хорошо помнили всё, что ему пришлось пережить.

Утром над Кёнигсбергом зазвонили колокола. Весть о смерти великого магистра быстро распространилась по замку, затем вышла за его стены.

На улицах люди останавливались, спрашивали друг друга, действительно ли Людвиг умер, обсуждали, кто теперь будет управлять Орденом.

Одни вспоминали его суровый характер.

Другие — годы войны.

Третьи говорили о долгах, налогах и разорении.

Большинство же просто понимало, что в государстве произошло событие, последствия которого ещё неизвестны.

В канцелярии Генрих Линде получил известие от замкового служителя.

Готфрид стоял рядом.

— Значит, всё, — тихо сказал он.

Генрих положил перо. Несколько мгновений он смотрел на раскрытую книгу.

Ещё вчера они обсуждали письмо, которое следовало представить великому магистру. Теперь оно лежало на столе без подписи.

— Закройте книги, — распорядился Генрих. — Пока не получим указаний, новых распоряжений от имени великого магистра не выдавать.

Готфрид кивнул. Они начали собирать бумаги. Но вскоре у двери появился человек из одного из восточных селений. Он приехал с прошением о земле и просил принять его до полудня, чтобы успеть вернуться домой.

Генрих вышел к нему.

— Сегодня канцелярия не принимает обычных решений.

— Почему?

— Великий магистр умер.

Крестьянин снял шапку.

— Господь упокой его душу.

— А моё дело?

Генрих посмотрел на человека. Тот держал в руках старую расписку. За спиной у него стоял мальчик с дорожным свёртком.

— Оставьте документы, — сказал Генрих. — Мы внесём их в книгу.

— А кто решит?

Генрих не смог сразу ответить. Смерть великого магистра ещё не означала, что все учреждения перестали существовать. Однако порядок временного управления требовал согласования, а некоторые решения могли принять только высшие должностные лица.

— Решение будет принято, — сказал он наконец. — Но не сегодня.

Крестьянин тяжело вздохнул.

— Значит, опять ждать.

Он положил бумаги на стол. Генрих записал его имя и место жительства.

После ухода посетителя Готфрид спросил:

— Может быть, нужно закрыть канцелярию на несколько дней?

Генрих посмотрел на стопку прошений.

— Для траурных церемоний выделим время. Но книги должны оставаться доступными.

— Разве это прилично?

— Не знаю, что приличнее: продолжать работу или заставить людей возвращаться домой без ответа.

Затем открыл книгу входящих прошений и внёс новую запись.

Тело великого магистра приготовили к погребению.

В замке установили положенный траурный порядок. Братья собирались на молитвы, служители готовили помещение для прощания. Весть о смерти отправили в сохранившиеся орденские владения.

Для многих рыцарей это был первый случай, когда они присутствовали при смерти великого магистра не в Мариенбурге, а в Кёнигсберге.

Старшие братья помнили прежние церемонии.

Они знали, как должна проходить подготовка к погребению, какие молитвы следовало читать, кто имел право находиться возле тела, в каком порядке должны были собраться должностные лица.

Но теперь приходилось учитывать особенности нового места пребывания Ордена.

Некоторые церемониальные предметы находились в других замках. Часть старых принадлежностей была утрачена во время войны. Не все братья могли прибыть вовремя из дальних комтурств.

Рейсс фон Плауэн распорядился не превращать приготовления в спор о внешних подробностях.

— Всё необходимое должно быть исполнено, — сказал он. — Но не станем требовать того, чего у нас больше нет.

Эти слова вызвали недовольство одного из старших братьев.

— Великий магистр заслуживает достойного погребения.

— Именно поэтому не следует задерживать его из-за отсутствующего знамени.

Брат замолчал.

Погребение состоялось в Кёнигсберге.

В соборной церкви собрались братья Ордена, духовенство, замковые служители и представители городских властей. Люди стояли тесно, многие не могли видеть происходившего у гроба.

Генрих Линде находился среди служителей. Он смотрел на белые плащи с чёрными крестами, на склонённые головы, на свечи, горевшие возле гроба.

Людвиг фон Эрлихсхаузен лежал неподвижно. Тот самый человек, который ещё недавно требовал немедленных ответов, раздражался из-за медленных расчётов и спорил о каждой статье Торнского договора, теперь уже не мог возразить никому.

Генрих вспомнил последние распоряжения Людвига: не о походах и возвращении утраченных земель, а о ремонте мельниц, выплатах служителям и восстановлении порядка в сохранившихся владениях. Именно эти дела особенно ясно показывали, насколько изменилась жизнь Ордена после войны.

Когда молитвы закончились, люди начали расходиться.

На улице стоял холодный ветер.

Возле собора ожидали несколько повозок. Вдали, за городскими домами, виднелись крыши замка.

Генрих некоторое время стоял неподвижно. Затем к нему подошёл Маттиас.

— Завтра совет.

— Знаю.

— Придётся решать, кто будет управлять до избрания великого магистра.

Генрих обернулся к собеседнику.

— Надеюсь, без ссоры.

Маттиас устало улыбнулся.

— В Ордене?

Они пошли вместе. Совещание старших братьев состоялось вскоре после погребения.

Вопрос о временном управлении нельзя было откладывать.

Орден оставался государством со своими землями, замками, доходами, гарнизонами и обязательствами перед польской короной. Даже кратковременное отсутствие признанной власти могло вызвать споры между должностными лицами и осложнить отношения с городами.

Генрих Рейсс фон Плауэн присутствовал на заседании.

Он не стремился первым начинать разговор. Его положение было достаточно заметным: опытный военачальник, один из старших братьев, хорошо знакомый с хозяйственными и политическими делами. Многие считали его наиболее подходящим человеком для временного руководства.

Но сам он не проявлял желания немедленно получить великомагистерский титул.

Причина заключалась не только в возрасте и усталости.

Торнский договор устанавливал обязательства, которые должен был принять новый великий магистр. Формальное вступление в должность неизбежно обостряло вопрос о личном признании польского верховенства и принесении предусмотренной миром присяги.

Среди братьев существовали разные мнения.

Одни считали, что договор необходимо исполнять без дальнейших проволочек, иначе Орден рискует снова вызвать недовольство короля.

Другие надеялись, что время позволит добиться смягчения некоторых условий.

Третьи вообще не желали обсуждать присягу, полагая её унижением для духовно-рыцарского братства.

Рейсс фон Плауэн понимал, что открытый спор сейчас опасен.

Поэтому он предложил прежде решить вопрос о временном управлении.

— Государство не может оставаться без руководства, — сказал он. — Но и торопиться с избранием нового великого магистра, не обсудив положение Ордена, было бы неразумно.

Один из братьев заметил:

— Людвиг умер. Мы обязаны избрать преемника.

— Обязаны, — согласился Генрих. — Но прежде необходимо обеспечить исполнение текущих распоряжений.

— Вы хотите отложить выборы?

— Я хочу, чтобы Орден не потерял за несколько недель то, что сумел сохранить после войны.

Старший брат отодвинул скамью. Было видно, что он не согласен, однако вопрос о повседневных распоряжениях требовал ответа уже сегодня.

Маттиас разложил перед собравшимися книги доходов.

Генрих Линде представил перечень незавершённых распоряжений.

Разговор постепенно перешёл от общих заявлений к конкретным делам.

Требовалось назначить ответственных за казначейство, подтвердить полномочия местных управляющих, обеспечить выплату содержания служителям, отправить известия о смерти великого магистра и подготовить документы для дальнейших переговоров с польской короной.

Рейсс фон Плауэн слушал внимательно.

Он не пытался решать всё самостоятельно. В отдельных вопросах просил мнение казначея, в других обращался к опытным братьям, хорошо знавшим определённые владения.

Постепенно присутствующие начали воспринимать его как человека, способного удержать управление от распада.

Вскоре было принято решение поручить ему временное руководство Орденом в качестве наместника великомагистерской власти.

Генрих принял назначение без торжественных слов.

Он лишь попросил представить ему полные сведения о состоянии казны, гарнизонов и земельных владений.

Один из братьев поздравил его.

Рейсс фон Плауэн остановил его.

— Поздравлять пока не с чем.

— Но вы приняли руководство.

— Принял работу.

Этим он закончил разговор.

Вечером того же дня Генрих Рейсс фон Плауэн вошёл в покои, которые прежде занимал Людвиг фон Эрлихсхаузен.

Комнату уже привели в порядок.

Постель убрали. Лекарственные сосуды вынесли. На столе оставались лишь несколько книг и документов, которые предстояло разобрать.

Деревянный крест по-прежнему висел на стене.

Рейсс фон Плауэн остановился перед ним.

Он знал этот крест. Когда-то тот находился в Мариенбурге. Людвиг приказал привезти его в Кёнигсберг вместе с некоторыми личными вещами.

Генрих вспомнил их последний разговор. Великий магистр просил не допустить новой войны.

Эта просьба звучала теперь особенно тяжело.

Рейсс фон Плауэн не считал, что мир с Польшей является справедливым во всех своих положениях. Он слишком долго служил Ордену, чтобы без боли воспринимать утрату земель и признание польского верховенства.

Но он также слишком хорошо помнил войну, чтобы не понимать опасности нового столкновения.

Он подошёл к столу. На нём лежала карта Пруссии.

Генрих развернул её. Перед ним вновь оказались знакомые земли.

Мариенбург, Данциг, Торн, Эльбинг — названия, за которыми стояли годы службы, походов, осад и тяжёлых решений.

Теперь эти города и крепости находились под другой властью.

На востоке оставались Кёнигсберг, Бальга, Инстербург, Рагнит и другие орденские владения.

Их было достаточно, чтобы управлять настоящим государством.

Но недостаточно, чтобы продолжать жить прежними представлениями о могуществе.

Генрих провёл пальцем вдоль побережья. Ему предстояло восстановить хозяйственные связи с западными городами, даже если многие братья будут считать подобные соглашения уступкой бывшему противнику.

Предстояло уменьшить расходы на войско, не лишив оставшиеся земли необходимой защиты.

Предстояло договариваться с польской короной, не позволяя новым отношениям разрушить внутреннюю жизнь Ордена.

И, наконец, предстояло убедить самих братьев, что после поражения верность Ордену выражается не только в готовности сражаться.

Рейсс фон Плауэн сел за стол.

Он взял чистый лист и начал составлять перечень первых распоряжений.

В комнате было тихо.

За окном темнел Кёнигсберг. На следующий день в канцелярию пришло распоряжение временного правителя.

Оно подтверждало продолжение обычной работы орденских учреждений и предписывало должностным лицам представлять сведения о доходах, расходах и незавершённых делах.

Генрих Линде прочитал документ. Готфрид стоял рядом.

— Значит, у нас теперь новый великий магистр?

— Нет. Пока наместник.

— А когда изберут великого магистра?

— Когда братья примут решение.

— И он будет подчиняться польскому королю?

Генрих посмотрел на молодого писаря. Вопрос оказался гораздо сложнее, чем предполагал Готфрид.

— Его положение будет определяться Торнским договором, — ответил Генрих.

— Значит, всё равно придётся решать вопрос о присяге.

— Придётся.

Они помолчали. Затем Генрих взял со стола очередное прошение.

Это было письмо из Самбии.

Марта, вдова погибшего крестьянина, сообщала, что получила на время весенней пахоты орденскую лошадь. Однако срок пользования подходил к концу, а часть поля оставалась необработанной. Она просила разрешить оставить животное ещё на несколько дней.

Генрих внимательно прочитал письмо. Потом открыл книгу.

Запись о прежнем долге сохранилась.

Подтверждение выдачи лошади тоже находилось на месте.

Он составил распоряжение местному управляющему рассмотреть возможность продления срока, если это не нарушит других хозяйственных обязательств.

Готфрид наблюдал за ним.

— Теперь можно подписывать такие бумаги?

— В пределах обычного управления — да, если полномочия должностного лица позволяют.

— А если кто-нибудь скажет, что прежний великий магистр умер и его распоряжения больше не действуют?

Генрих оторвался от записи.

— Тогда пусть покажет, каким порядком отменены законные обязательства Ордена.

Готфрид улыбнулся.

— Вы говорите почти как наместник.

Генрих не согласился.

— Нет. Просто не хочу, чтобы людям приходилось начинать всё сначала после смерти каждого начальника.

Он подписал письмо в пределах своих полномочий и передал писарю.

За окном шумел замковый двор. Кто-то привёз зерно. Служители проверяли количество мешков. Плотники ремонтировали деревянный настил возле хозяйственных построек.

Великий магистр умер.

Но Орден продолжал существовать.

И люди, обращавшиеся к его власти, по-прежнему ожидали решений.

В Бальге известие о смерти Людвига фон Эрлихсхаузена вызвало сдержанную скорбь.

Старые братья помнили его молодым, энергичным человеком, уверенным, что Орден способен преодолеть любой кризис.

Некоторые винили его в тяжёлых последствиях войны.

Другие считали, что при тех обстоятельствах никто не смог бы сохранить прежнее государство.

Однако теперь, когда Людвиг умер, споры постепенно теряли прежнюю остроту.

Оставшиеся владения требовали работы.

В самбийских деревнях пахали поля.

На дорогах чинили мосты.

В замках проверяли запасы.

Купцы снова ездили между городами, принадлежавшими разным властям.

Наместник Генрих Рейсс фон Плауэн отправлял распоряжения и принимал отчёты.

Ему предстояло управлять Орденом, который ещё недавно считался одним из сильнейших государств Балтийского побережья, а теперь должен был учиться существовать в гораздо более тесных границах.

При этом братья продолжали носить белые плащи с чёрными крестами.

Они совершали положенные молитвы, соблюдали устав и исполняли обязанности.

Смерть великого магистра не изменила символов Ордена.

Но изменила человека, от которого теперь зависела их повседневная жизнь.

В середине апреля Генрих Линде получил возможность ненадолго выйти из замка раньше обычного.

Он направился к реке. На пристани разгружали небольшое торговое судно. Рабочие переносили бочки, мешки и деревянные ящики. Возле складов спорили два купца, не сумевшие договориться о цене перевозки.

Генрих остановился у деревянного настила и вспомнил Мариенбург: первые годы службы, просторные комнаты канцелярии, длинные столы и шаги в коридорах. Потом память вернула его к войне — приказам о сборе людей, спискам погибших, долгам и бесконечным просьбам о хлебе, лошадях и деньгах.

Всё это казалось теперь одним длинным, тяжёлым временем, которое закончилось вместе с жизнью Людвига фон Эрлихсхаузена.

Генрих понимал: смерть великого магистра не обрывает человеческих дел. Он вспомнил Петера, приезжавшего из Самбии за подтверждением долга, Марту, ожидавшую помощи для весенней пахоты, мельников, добивавшихся ремонта плотин, купцов, вновь налаживавших торговлю, и служителей, которым Орден задолжал жалованье. Для всех них имя следующего великого магистра значило меньше, чем исполнение уже данных обещаний.

Генрих посмотрел на реку. Вода шла спокойно, отражая серое небо.

Недалеко от берега мальчик пытался столкнуть в воду маленькую деревянную лодку. Она застряла между камнями, и ему пришлось зайти по щиколотку в холодную воду, чтобы освободить её.

Мальчик наконец справился.

Лодка поплыла.

Генрих невольно улыбнулся. Потом поправил плащ и направился обратно к замку.

В канцелярии его ожидали новые бумаги.

Вечером наместник Генрих Рейсс фон Плауэн остался один.

На столе лежали два документа. Один представлял собой перечень долгов и расходов, составленный Маттиасом.

Другой — копию Торнского договора.

Генрих долго рассматривал оба листа. Первый показывал, насколько трудно Ордену будет восстановить собственное хозяйство.

Второй напоминал, что даже после восстановления прежняя независимость не вернётся сама собой.

Многие братья ждали от наместника решительных действий: одни требовали укрепить оборону, другие надеялись вернуть прежние права, третьи добивались новых переговоров с польским королём. Генрих не отвергал возможность переговоров, но не хотел начинать управление с обещаний, исполнение которых не мог обеспечить.

Он взял письмо из одного из комтурств. Там сообщали, что несколько крестьянских хозяйств восстановили посевы, однако нуждаются в отсрочке повинностей.

Генрих прочитал документ. Затем распорядился подготовить ответ, разрешавший местному управляющему рассмотреть отсрочку с учётом действительного состояния хозяйств.

Генриху приходилось принимать сотни похожих распоряжений. Каждое казалось незначительным, однако именно из таких решений постепенно складывалось восстановление разорённых войной земель.

Генрих отложил письмо и подошёл к окну. Над Кёнигсбергом сгущались сумерки: на замковых стенах зажигали огни, во дворе закрывали ворота. За ними простирались город и владения, которые Орден сумел сохранить.

Впереди его ожидали новые споры, и каждый из них требовал решения прежде, чем дойдёт до очередного заседания.

Он вернулся к столу. На пергаменте лежала копия мирного договора.

Он нашёл статью о новых обязательствах главы Ордена перед польским королём.

Генрих прочитал её и задержал пальцы на краю листа. Присягать ему пока не предстояло: он оставался наместником.

Но избрание нового великого магистра вновь поставит перед братьями вопрос, который они пока предпочитали обходить.

Генрих погасил свечу у окна. Другую оставил гореть над столом.

На столе уже ожидал другой документ — просьба о срочной выдаче хлеба в одно из восточных комтурств.

Генрих придвинул его к свече и начал читать.

Глава 52. Наместник

Кёнигсберг — Самбия — Бальга — Морунген. Апрель — август 1467 года.

В одно из апрельских утр Генрих Рейсс фон Плауэн проснулся ещё до рассвета. В замке уже начались обычные хлопоты, но никто не спешил занимать покои умершего великого магистра. Генрих поднялся, зажёг свечу и разложил на столе ключи, переданные ему для временного управления: от канцелярии, архива и помещения с печатями. Прежде чем принять посетителей, следовало убедиться, что ни один из них не открывает того, к чему у наместника пока нет полномочий.

Он перебрал ключи и отложил отдельно тот, что открывал помещение с печатями: использовать их без решения совета Генрих не собирался.

Накануне вечером Генрих велел не переносить его вещи в покои умершего великого магистра.

Домашний комтур удивился.

— Но вам положено находиться ближе к залу совета.

— Для работы там достаточно комнат.

— А прежние покои?

— Пока пусть остаются закрытыми.

Дело было не в особенном благоговении перед памятью Людвига. Рейсс фон Плауэн не любил занимать место человека раньше, чем становилось ясно, на каком основании это место ему принадлежит. Он принял обязанности наместника, но великим магистром не был. Орденские братья ещё должны были решить вопрос о новом главе, а договор с польской короной делал это решение значительно сложнее прежнего.

Генрих оделся и отправился к утренней молитве. В коридоре ему встретился молодой рыцарь, которого он помнил по последним годам войны. Тот почтительно поклонился, отступил к стене и пропустил наместника.

Генрих прошёл несколько шагов, затем остановился.

— Брат.

Молодой человек обернулся.

— Ваша милость?

— Вы служили в Хойнице?

— Да.

— Когда прибыли сюда?

— После мира.

— И чем занимаетесь?

— Ожидаю назначения.

Генрих посмотрел на него внимательнее. Рыцарю было около двадцати пяти лет. Он держался прямо, хотя левая рука двигалась несколько скованно. Под плащом виднелся старый пояс с потёртой металлической пряжкой.

— Давно ожидаете?

— Четвёртый месяц.

— Почему не обратились к маршалу?

— Обращался. Мне сказали, что свободных мест нет.

Генрих помолчал.

— Умеете читать хозяйственные книги?

Молодой человек явно не ожидал такого вопроса.

— Немного.

— А считать?

— Умею.

— Тогда явитесь после обеда к Маттиасу. Пусть проверит, можете ли вы быть полезны при разборе складских записей.

На лице рыцаря появилось разочарование.

— Я надеялся получить воинскую службу.

— Вы её получили, когда вступили в Орден.

— Но я рыцарь.

— Я это вижу.

Генрих не повысил голоса.

— Сейчас у нас есть люди, способные носить оружие, и недостаточно людей, умеющих следить, чтобы этим людям было что есть. Начните со складов.

Он не стал ждать ответа и продолжил путь. Молодой брат ещё некоторое время стоял в коридоре. Затем медленно направился к лестнице.

К утреннему совещанию казначей Маттиас принёс три книги.

Первая содержала сведения о доходах, которые Орден рассчитывал получить с сохранившихся владений. Во второй были записаны подтверждённые обязательства перед кредиторами, бывшими наёмниками и служителями. Третья представляла собой перечень имущества, заложенного в обеспечение долгов.

Генрих Рейсс фон Плауэн начал с последней. В комнате находились Генрих Линде, несколько старших братьев и представитель хозяйственных учреждений. За отдельным столом сидел Готфрид, которому поручили вести запись обсуждения.

Наместник открыл книгу.

— Почему здесь нет общей суммы?

Маттиас показал несколько столбцов.

— Потому что долги записаны в разных денежных единицах, а часть обязательств требует уточнения. Есть суммы в прусских марках, венгерских и рейнских гульденах. Кроме того, по некоторым займам начислены дополнительные платежи.

— Тогда составьте общий перечень с отдельными расчётами.

— Мы уже начали.

— Сколько времени понадобится?

— Если не будут поступать новые требования, несколько недель.

Один из братьев невесело усмехнулся.

— Значит, никогда не закончите.

Маттиас поднял голову.

— Новые требования поступают по старым долгам. Они не перестанут существовать оттого, что мы перестанем их записывать.

Генрих фон Плауэн перевернул страницу. В одной из записей говорилось о земельном владении, переданном в обеспечение военной задолженности. Кредитор требовал либо выплаты денег, либо подтверждения своих прав на пользование землёй.

Наместник попросил принести первоначальное соглашение.

Генрих Линде разыскал документ в соседней связке.

Договор был составлен во время войны. В нём подробно оговаривалась сумма долга, но не вполне ясно определялся срок, по истечении которого кредитор получал дополнительные права.

— Кто присутствовал при заключении? — спросил наместник.

Маттиас назвал двух братьев. Один погиб. Второй покинул Пруссию.

— А кредитор?

— Живёт в орденских владениях. Несколько раз приезжал требовать расчёта.

— Пригласите его.

Маттиас сделал пометку. Генрих перешёл к следующему делу.

Там речь шла о трёх бывших наёмниках, которым задолжали жалованье. Один из них уже получил часть денег. Второй согласился ждать до осени. Третий требовал немедленного расчёта и угрожал обратиться к польским властям.

— Имеет право? — спросил наместник.

Генрих Линде осторожно ответил:

— Обратиться может. Но его договор заключён с Орденом. Лучше решить дело самим.

— Сколько ему должны?

Маттиас назвал сумму. Генрих фон Плауэн посмотрел на казначея.

— Есть средства выплатить половину?

— Если отложим ремонт двух хозяйственных построек.

— Что находится в этих постройках?

— Зерно и часть конского корма.

— Крыши текут?

— Одна сильно.

Наместник закрыл книгу.

— Значит, откладывать нельзя.

Военный начальник, присутствовавший на совещании, заметил, что бывший наёмник может подождать.

— Он уже ждал несколько лет, — ответил Маттиас.

— А если испортится зерно, — добавил Генрих фон Плауэн, — ждать придётся всем.

Некоторое время обсуждали возможность частичного расчёта. Наконец решили предложить кредитору небольшую выплату сразу и письменное подтверждение оставшегося долга с новым сроком.

Решение никого особенно не удовлетворило.

Генрих понимал это. Но в последние годы войны он слишком часто видел, как попытка немедленно удовлетворить одного требовательного кредитора приводила к невозможности исполнить обязательства перед десятками других людей.

После совещания Маттиас задержался.

— Ваша милость, могу сказать откровенно?

— Говорите.

— Мы не справимся со всеми долгами только за счёт нынешних доходов.

— Я знаю.

— Придётся либо договариваться об отсрочках, либо снова закладывать имущество.

Генрих медленно закрыл книгу.

— Значит, сначала выясним, какое имущество приносит доход, а какое только требует расходов.

— Это может вызвать недовольство братьев.

— Всё, что мы станем делать, вызовет недовольство.

Маттиас придвинул к себе книгу расходов. Наместник продолжил:

— Я не собираюсь продавать остатки государства ради того, чтобы ещё несколько месяцев изображать прежнее благополучие. Но и отказаться от выплаты законных долгов мы не можем. Пусть каждый знает, чем располагаем и сколько обязаны вернуть.

Казначей собрал книги.

— Будет исполнено.

Когда дверь за ним закрылась, Генрих фон Плауэн остался за столом.

Снаружи доносился стук молотков.

Он посмотрел на карту. У Ордена ещё оставались замки, земли, леса, мельницы, реки и торговые дороги. Владения были достаточно обширны, чтобы обеспечить жизнь многим тысячам людей.

И всё же в казне не хватало средств на исполнение обязательств, возникших при защите этих владений.

Рейсс фон Плауэн провёл ладонью по лицу.

Он понял, что труднее всего будет не найти деньги.

Труднее будет убедить орденских братьев признать, что прежний образ жизни им больше не по средствам.

В начале мая в Кёнигсберг приехал человек, которого Генрих Линде прежде встречал лишь однажды.

Его звали Ульрих Вунш.

Он был одним из тех военных людей, чьи требования к Ордену тянулись ещё со времён войны. Возраст его было трудно определить. Лицо обветрилось, борода поседела, а на левой щеке виднелся длинный старый рубец. Он передвигался уверенно, но временами прихрамывал, особенно после долгой дороги.

С собой Ульрих привёз несколько документов.

Один подтверждал службу. Другой содержал запись о причитавшемся жалованье. Третий касался убытков, понесённых при исполнении военных обязанностей.

В канцелярии его встретил Готфрид.

— Вы уже подавали прошение?

— Подавал.

— Когда?

— При прежнем великом магистре.

— Ответ получили?

— Получил обещание.

Готфрид открыл книгу.

— Ваше имя?

Ульрих назвал.

Писарь начал искать запись.

Человек терпеливо ждал несколько минут, затем подошёл к окну.

— Давно служите? — спросил он.

— В канцелярии?

— Да.

— Несколько лет.

— Значит, войну помните.

— Помню.

Ульрих посмотрел на полки.

— А меня, наверное, нет.

Готфрид смутился.

— Не могу помнить всех.

— И не нужно.

Посетитель вернулся к столу.

— Я вот тоже многих не помню. Служили вместе, ели из одного котла, стояли на одних стенах. А теперь иной раз пытаюсь вспомнить лицо человека, с которым провёл целую зиму, и не получается.

Готфрид нашёл нужную запись. В книге действительно значилось имя Ульриха Вунша.

Сумма долга была значительной.

Писарь удивился.

— Вам столько не выплатили?

— Это ещё без всего остального.

Готфрид поднял глаза.

— Как же вы жили?

Ульрих усмехнулся.

— Как мог.

Он не стал объяснять, что несколько лет содержал семью на деньги, полученные от продажи имущества, а потом вынужден был занимать у родственников. Не рассказал и о том, как однажды вернулся домой без обещанного жалованья и обнаружил, что жена продала большую часть домашней утвари, чтобы купить зерно.

Он приехал не за сочувствием. Ему нужны были деньги.

Генрих Линде принял его после полудня. Они долго сверяли документы.

Ульрих хорошо помнил обстоятельства службы, но даты отдельных событий путались. Генрих попросил назвать имена начальников, под командованием которых тот находился.

Некоторых удалось установить.

По другим требовалась проверка.

— Сколько ещё ждать? — спросил Ульрих.

— Постараемся закончить сверку в ближайшие дни.

— Мне так говорили и раньше.

Генрих положил перо.

— Я понимаю.

— Нет, господин писарь. Вы понимаете цифры. А я понимаю, что за эти цифры мне давно пришлось заплатить собственными деньгами.

Он вынул из сумки маленькую кожаную книжицу. В ней находились записи о расходах.

— Вот сколько я задолжал за три года. Вот сколько выплатил. А вот сколько пришлось занимать снова, когда умерла жена.

Генрих поднял голову. Ульрих говорил спокойно.

— Она не дождалась расчёта. Дети тоже уже выросли. Старшая дочь вышла замуж. Сын уехал на службу. Мне не нужна прежняя жизнь, господин писарь. Я хочу только расплатиться с теми, кто давал мне в долг.

Генрих долго рассматривал записи. В них не было официальной печати, но подробность расходов производила впечатление. Там стояли суммы за зерно, лошадей, одежду, лекарства и похороны.

Он закрыл книжицу.

— Я представлю дело наместнику.

— Когда?

— Сегодня.

Ульрих посмотрел на него недоверчиво.

— Вы можете обещать?

Генрих выдержал его взгляд.

— Могу обещать, что сегодня передам документы. Решение будет принимать не я.

Ульрих кивнул.

— Этого достаточно.

Он вышел. Генрих ещё некоторое время сидел над бумагами.

Потом взял книгу с записями о военных долгах и направился к наместнику.

Рейсс фон Плауэн принял Ульриха через два дня.

К этому времени документы удалось сверить. Несколько свидетелей подтвердили службу и характер понесённых убытков. Не все требования могли быть признаны полностью, но значительная задолженность Ордена не вызывала сомнений.

В комнате находились Маттиас и Генрих Линде.

Ульрих вошёл, поклонился и остановился перед столом.

Наместник предложил ему сесть.

Тот отказался.

— Я постою.

Генрих фон Плауэн внимательно посмотрел на старого военного человека.

— Вы служили под Хойнице?

— Служил, ваша милость.

— И раньше?

— В разных местах.

— Ваши документы проверены. Мы признаём задолженность в установленном размере.

Ульрих не изменился в лице.

— Когда заплатите?

Маттиас начал объяснять положение казны. Ульрих слушал молча.

Но когда казначей предложил выплатить лишь небольшую часть суммы до осени, резко поднял голову.

— До осени?

— Остальное будет подтверждено отдельным обязательством.

— У меня уже есть обязательства.

— Новое будет составлено надлежащим образом.

Ульрих усмехнулся.

— Старые тоже были составлены надлежащим образом.

Маттиас замолчал. Генрих фон Плауэн не стал укорять посетителя за дерзость.

— Что вы предлагаете?

Ульрих посмотрел на него с удивлением.

— Я?

— Да.

— Заплатить долг.

— Целиком сейчас мы не можем.

Военный человек помолчал.

Потом медленно произнёс:

— Тогда дайте землю.

Генрих Линде поднял глаза от записи. Наместник внимательно посмотрел на Ульриха.

— Какую?

— Такую, с которой можно получать доход. Не разорённое поле без скота и людей.

Маттиас открыл книгу заложенных владений.

— Есть несколько участков, но права на них требуют проверки.

— Проверяйте.

Рейсс фон Плауэн некоторое время молчал.

Он понимал, что подобное соглашение избавит казну от немедленной выплаты, но одновременно уменьшит доходы Ордена. Если раздавать землю всем кредиторам, вскоре у государства не останется достаточных средств на содержание собственных учреждений.

Однако отказ тоже имел последствия.

Военные долги продолжали отравлять отношения между Орденом и людьми, прежде служившими ему с оружием. Неисполненные обещания разрушали доверие, без которого невозможно было рассчитывать ни на будущую службу, ни на добровольные займы.

— Мы рассмотрим возможность земельного обеспечения, — сказал наместник. — Но решение должно учитывать права тех, кто уже живёт на этой земле.

Ульрих нахмурился.

— Я не собираюсь выгонять крестьян.

— Хорошо. Значит, это следует записать.

Он повернулся к Генриху Линде.

— Подготовьте проект соглашения. Отдельно перечислите существующие повинности и права жителей.

Ульрих впервые за всё время разговора заметно успокоился.

— Благодарю, ваша милость.

Рейсс фон Плауэн поднялся.

— Пока благодарить не за что. Мы ещё должны найти имущество, которое можно предоставить без нового спора.

Когда посетитель ушёл, Маттиас устало опустился на скамью.

— Если так поступать со всеми, мы лишимся доходов.

Генрих фон Плауэн посмотрел на него.

— Если не поступать ни с кем, лишимся доверия.

— Но доверие не заменит денег.

— И деньги не заменят доверия.

Наместник подошёл к окну.

Во дворе разгружали телегу с камнем для ремонта стены.

Он некоторое время наблюдал за работой.

— Нам придётся искать середину, Маттиас. И она редко будет нравиться людям.

Весной Мартин Краузе снова приехал в Кёнигсберг.

На этот раз его обоз был больше прежнего. Он вёз соль, железные изделия, простое полотно и некоторые товары, предназначенные для местных ремесленников. На обратном пути рассчитывал купить воск, шкуры и зерно.

Ещё до выезда из Данцига он узнал о смерти Людвига фон Эрлихсхаузена.

В городе это известие обсуждали с любопытством.

Одни предполагали, что Орден изберёт нового великого магистра, готового более решительно защищать прежние права. Другие считали, что после войны братья предпочтут осторожного правителя, способного договориться с польской короной.

Мартин не принимал участия в подобных рассуждениях.

Его интересовало, не изменятся ли торговые правила.

На въезде в Кёнигсберг служитель долго проверял документы, но на этот раз не потребовал ничего сверх установленной платы.

Мартин удивился.

— Новое распоряжение?

— Проверяем сборы, — ответил чиновник.

— Значит, теперь всё по книге?

— Так велели.

Мартин заплатил и получил расписку. Петер Вольф встретил его возле склада.

— Как дорога?

— Лучше, чем зимой.

— А сборы?

— Сегодня не обманули.

Петер рассмеялся.

— Тогда день начался удачно.

Они занялись разгрузкой. К полудню во двор пришёл городской мастер с заказом на железные полосы. Ему требовалось укрепить воротные петли в одном из складов. Мартин показал товар, назвал цену, выслушал возражения и после недолгого торга согласился немного уступить.

Потом отправился в городскую канцелярию выяснить условия дальнейшей торговли.

Там его принял служитель, занимавшийся торговыми сборами.

Мартин заметил, что на столе лежат новые книги.

— Переписываете прежние порядки?

— Сверяем.

— Давно пора.

Служитель посмотрел на него.

— Купцы всегда считают, что мы должны всё делать быстрее.

— Потому что нам приходится платить за ваше промедление.

Чиновник не стал спорить.

Он объяснил действующие сборы и выдал письменное подтверждение.

Мартин вышел из канцелярии в хорошем настроении.

Но на площади встретил человека, которого знал по прежним поездкам.

Это был бывший возница, потерявший во время войны лошадей и повозку. Теперь он занимался мелкими перевозками, нанимаясь к разным торговцам.

Мартин остановился.

— Как живёшь, Фридрих?

— Работаю.

— Свою подводу купил?

— Пока нет.

— А долг тебе вернули?

Фридрих усмехнулся.

— Какой именно?

Они разговорились. Выяснилось, что возница до сих пор не получил полного возмещения за имущество, использованное на орденской службе. Он несколько раз обращался к властям, но документы потерялись, а прежний начальник умер.

— Теперь новый наместник, — сказал Мартин. — Может быть, разберёт.

— Может быть.

Фридрих пожал плечами.

— Только мне уже пятьдесят лет. Если ещё десять подождать, платить будет некому.

Мартин не нашёл ответа. Он предложил вознице работу на ближайшие дни.

Фридрих согласился.

Когда они расстались, Мартин ещё некоторое время смотрел ему вслед.

В Самбии Марта получила новое распоряжение управляющего.

Орденскую лошадь позволили оставить до завершения весенней пахоты, но затем требовалось вернуть немедленно. Кроме того, семья должна была предоставить корм за всё время пользования животным.

Петер прочитал письмо вслух. Марта слушала, стоя возле печи.

— Значит, пахоту закончим, — сказал сын.

— Если погода позволит.

— Позволит.

Она посмотрела на него. Петер за последние месяцы заметно повзрослел. Работал почти наравне со взрослыми мужчинами, научился самостоятельно чинить упряжь и всё чаще принимал решения без материнского совета.

Марта гордилась им.

Но иногда замечала, что юноша начинает относиться к хозяйству так, словно уже полностью отвечает за него, и это вызывало у неё тревогу.

Однажды вечером он сообщил, что староста предложил ему летом отправиться на заработки к одному из крупных землевладельцев.

— На сколько?

— На два месяца.

— А хозяйство?

— К тому времени основную работу закончим.

Петер продолжил:

— Там платят деньгами. Если повезёт, к осени сможем купить молодую лошадь.

— За два месяца столько не заработаешь.

— Не всю сумму. Но часть.

Она взяла письмо управляющего и аккуратно сложила.

— А кто будет сено косить?

— Ульрих поможет. Я уже говорил с ним.

Марта подняла глаза.

— Ты сначала договорился с Ульрихом, а потом пришёл ко мне?

Петер смутился.

— Я хотел узнать, возможно ли.

— И решил, что возможно.

— Мать, я ведь не маленький.

Она посмотрела на сына долго. Это было правдой. Он уже не был маленьким.

Но Марта помнила, как в начале войны провожала мужа. Тот тоже уверял, что всё устроено, что соседи помогут, что служба не продлится слишком долго.

Он не вернулся. Она понимала, что страх перед новой потерей не может определять жизнь сына. Но понимание мало помогало, когда Петер говорил о дальней дороге.

— К кому собираешься? — спросила она наконец.

Он назвал имя землевладельца. Марта знала его хозяйство. Оно находилось в нескольких днях пути.

— Ты хоть знаешь, какие там люди?

— Староста говорит, платят исправно.

— Староста там работал?

— Нет.

— Тогда откуда знает?

Петер опустил глаза. Марта увидела, что обидела его недоверием.

Она подошла к столу и села.

— Я не запрещаю. Только сначала нужно узнать условия. Сколько платят, где живут работники, чем кормят. И кто будет отвечать, если заболеешь.

Петер поднял голову.

— Ты разрешаешь?

— Я разрешаю нам обоим подумать.

Вечером Петер разложил на столе всё, что собирался взять с собой: сменную рубаху, нож, пару запасных обмоток и кусок сала. Анна сначала радовалась сборам, как перед праздником, а потом спросила, кто поведёт корову к воде, если брата не будет. Петер обещал научить её, но девочка неожиданно расплакалась. Марта продолжала штопать рубаху и не подняла головы. Через некоторое время она попросила сына принести упряжный ремень. Они вместе осмотрели трещину на коже. Петер предложил пришить заплату, мать возразила, что ремень разойдётся на мокрой дороге. Спор затянулся до темноты. Когда он наконец замолчал, Марта поняла: ей легче указывать сыну, как чинить ремень, чем сказать, что она боится отпустить его из дома.

Он улыбнулся. Марта отвернулась к печи, чтобы сын не заметил, как тяжело ей далось это решение.

В конце июня к наместнику поступили новые требования о военных долгах.

Одно из них касалось Ульриха Вунша.

Документы, подтверждавшие характер задолженности, были проверены, и теперь требовалось закрепить условия расчёта. Генрих Рейсс фон Плауэн поручил подготовить соглашение, которое позволило бы урегулировать признанные требования без немедленного изъятия всей суммы из казны.

Генрих Линде работал над текстом вместе с Маттиасом.

На столе лежали сведения о земельных владениях, перечни доходов и прежние обязательства.

Они проверяли не только размер долга, но и права людей, живших на землях, которые могли быть переданы в обеспечение.

Маттиас несколько раз выражал недовольство.

— Если так подробно разбирать каждое хозяйство, мы никогда не закончим.

Генрих не отрывался от записи.

— Если не разберём, потом получим новые жалобы.

— Жалобы будут в любом случае.

— Но лучше, чтобы они не возникли по нашей ошибке.

Казначей вздохнул. Он давно привык к осторожности Генриха Линде, хотя иногда считал её излишней.

— Вы бы всю жизнь просидели над книгами, лишь бы никому не причинить несправедливости.

Генрих оторвался от записи.

— Не получится.

— Почему?

— Потому что иногда справедливого решения для всех просто нет.

Маттиас посмотрел на него внимательнее. Генрих продолжил:

— Можно признать долг и оставить Орден без денег. Можно сохранить деньги и не заплатить человеку, которому должны. Можно передать землю, но тогда пострадает доход государства. Важно хотя бы понимать, кому и какой ущерб мы причиняем.

Маттиас закрыл одну из книг.

— Вот поэтому мне и не нравится работа казначея.

Они вернулись к документам. Несколько дней спустя соглашение было подготовлено.

Для Ульриха оно не означало полного возвращения потерянного имущества или прежнего достатка. Он получил признание своих требований и определённый порядок их удовлетворения.

Когда ему передали документ, он долго рассматривал печать.

— Значит, теперь долг признан окончательно?

— В указанном размере, — ответил Генрих Линде.

— И больше не придётся начинать всё сначала?

— Если условия будут исполнены, нет.

Ульрих осторожно сложил пергамент.

По дороге в трактир Ульрих зашёл к человеку, у которого занимал деньги на дорогу и зимнее содержание. Тот долго изучал печать, поворачивал документ к свету, а затем положил на стол два серебряных гроша. Ульрих не поверил, что услышал предложенную цену. Ростовщик объяснил: обязательство признано, но срок исполнения ещё не наступил; если Орден снова задержит платежи, взыскивать деньги придётся ему самому. Ульрих забрал пергамент. Его сыну обещали место в мастерской при условии, что семья купит инструменты. На эти инструменты он и надеялся выручить деньги. Выйдя на улицу, он остановился у лавки железных изделий, поглядел на висящие молотки и прошёл мимо.

Через два дня он вернулся в канцелярию не с жалобой, а с просьбой уточнить, может ли передать часть признанного долга сыну в обеспечение обучения. Генрих Линде перечи-

тал соглашение. Такой возможности текст не исключал, но требовалось особое подтверждение наместника. Ульрих молча выслушал объяснение. В его старой кожаной книжице появилось ещё одно число: стоимость дороги в Кёнигсберг, которую, возможно, придётся проделать снова. На этот раз Генрих не предложил ему вернуться осенью. Он сам понёс просьбу казначею.

Выйдя из канцелярии, Ульрих не сразу отправился в трактир. Он зашёл к ростовщику, у которого занимал на дорогу и зимнее содержание. Тот прочитал запись, повернул пергамент к свету и долго рассматривал печать. «Это обещание от людей, которые уже однажды вам не заплатили», — сказал он. Ульрих возразил, что признанный долг может служить обеспечением. Ростовщик предложил деньги, но такую малую сумму, что после вычета процентов от обязательства почти ничего не осталось бы. Ульрих забрал документ. В дверях он задержался: после долгой дороги ноги болели, а дома требовалось купить семенное зерно. Он всё же вышел на улицу с пустыми руками. Позднее Генрих Линде узнал об этом не от Ульриха, а от торговца, пришедшего подтвердить подлинность печати. Писарь показал ему запись в книге, но понял, что законное подтверждение не сделало человека богаче даже на один грош.

— Хорошо.

— Знаете, господин писарь, я ведь не думал, что доживу до дня, когда придётся радоваться бумаге вместо денег.

Генрих оставил вопрос без ответа. Ульрих убрал документ в сумку и ушёл.

В коридоре он задержался возле окна, чтобы ещё раз проверить, хорошо ли защищена печать от повреждения.

Потом направился к воротам.

В середине лета в Кёнигсберг прибыл купеческий обоз из Данцига.

Мартин Краузе привёз железо, ткани, соль и несколько ящиков с товарами, предназначенными для замковых мастерских. На этот раз он надеялся получить выгодный заказ от орденских хозяйственных служб.

Однако уже при первой встрече с чиновником выяснилось, что казначейство намерено сократить расходы.

— Нам нужны железные полосы, — объяснил служитель, — но платить можем только после осенних поступлений.

Мартин нахмурился.

— А мне людям жалованье выдавать сейчас.

— Можно оформить обязательство.

Мартин рассмеялся.

— У вас тут все влюбились в обязательства.

Служитель обиделся.

— Другого порядка нет.

— Есть. Заплатить.

— Денег недостаточно.

Мартин посмотрел на лежавшие перед ним бумаги. Он хорошо знал, что Орден действительно испытывает финансовые трудности. Но сам не мог позволить себе бесконечно кредитовать государство, чьи долги уже стоили многим людям имущества.

— Тогда возьмите половину товара, — предложил он. — За неё заплатите сейчас. Остальное привезу, когда будут деньги.

Служитель задумался.

После недолгого обсуждения стороны согласились.

Мартин вышел из замка и направился к складу Петера Вольфа.

По дороге он встретил Генриха Линде.

Они остановились возле городской церкви.

— Как дела в канцелярии? — спросил Мартин.

— Работы хватает.

— А денег?

Генрих усмехнулся.

— Вы спрашиваете как купец.

— Потому что мне только что предложили продать железо за обещание заплатить осенью.

— И вы согласились?

— На половину груза.

— Разумно.

Мартин посмотрел на него.

— А у вас теперь все такие разумные?

— Не все.

— Наместник?

— Он не любит обещаний, для которых нет средств.

— Уже хорошо.

Они прошли несколько шагов вместе. Мартин рассказал о положении торговли в Данциге, о новых городских спорах и о том, что купцы постепенно привыкают к необходимости вести дела с властями по обе стороны новой границы.

— Война кончилась, — сказал он, — а люди всё равно ждут подвоха.

— Тринадцать лет — долгий срок.

— Да. За это время мальчики успели стать мужчинами.

Генрих вспомнил Петера из Самбии.

— Некоторые уже не помнят жизни без войны.

— Вот им и придётся привыкать.

Они расстались у городской площади. В августе наместник Генрих Рейсс фон Плауэн отправился в одно из сохранившихся владений Ордена.

Он хотел лично увидеть состояние хозяйств, о которых ему регулярно докладывали в Кёнигсберге.

Путь лежал через земли, где война оставила многочисленные следы. Некоторые деревни выглядели благополучно: поля были обработаны, возле домов стояли телеги, на пастбищах пасся скот. В других местах виднелись заброшенные дворы, разрушенные сараи и участки, заросшие высокой травой.

Наместник не торопился.

Он останавливался у мельниц, разговаривал с управляющими, осматривал мосты и склады. В одном селении ему показали плотину, которую восстановили весной. В другом пожаловались на нехватку рабочих рук.

Особенно тяжёлым оказался разговор в небольшой деревне, где несколько хозяйств опустели после войны.

Староста привёл наместника к дому, возле которого стояла сломанная телега.

— Здесь жил хороший хозяин, — сказал он. — У него было четыре лошади, две коровы, большой участок земли.

— Где он теперь?

— Погиб.

— Семья?

— Жена умерла прошлой зимой. Дети разошлись по родственникам.

Генрих посмотрел на дом. Соломенная крыша провалилась в одном месте. Дверь висела на одной петле. Во дворе росла крапива.

— Земля обрабатывается?

— Часть взяли соседи.

— На каком основании?

Староста пожал плечами.

— Чтобы не пустовала.

Генрих не стал укорять его. Он видел, что земля действительно нуждается в обработке. Если оставить её заброшенной, деревня потеряет часть дохода, а Орден — повинности.

— Запишите, кто пользуется участком, — распорядился он. — И проверьте, не имеют ли дети прежнего хозяина права на наследство.

Староста кивнул.

Наместник продолжил осмотр.

К вечеру они остановились в небольшом орденском дворе.

После ужина Генрих вышел на улицу.

Небо было ясным. Над полями медленно поднималась луна. Из сарая доносились голоса работников, готовивших сено для ночного хранения.

Рейсс фон Плауэн сел на деревянную скамью возле стены.

Он чувствовал усталость. За день пришлось осмотреть несколько хозяйств, выслушать жалобы, принять решения и обещать проверки там, где немедленный ответ был невозможен.

Эта работа была наместнику понятнее бесконечных споров о прежнем величии Ордена. Здесь за каждым упущением стояли ощутимые последствия: разрушенная плотина оставляла селение без муки, сломанный мост мешал доставлять зерно, пустующее поле лишало урожая, а невыплаченный долг заставлял человека искать деньги у собственных кредиторов.

Рейсс фон Плауэн не рассчитывал восстановить страну за одно лето. Но уже видел, как люди возвращаются к работе, на дорогах появляются торговые повозки, а в селениях вновь засевают поля, заброшенные во время войны.

Генрих поднялся. Завтра ему предстояло вернуться в Кёнигсберг.

В канцелярии Генрих Линде получил письмо из Самбии.

Марта сообщала, что семья закончила весенние работы, вернула орденскую лошадь в установленный срок и теперь просит разрешения пользоваться частью соседнего луга для заготовки сена.

В письме также говорилось, что её сын Петер отправился на летние заработки.

Генрих прочитал эти строки дважды. Он хорошо помнил юношу, который несколько месяцев назад приехал в Кёнигсберг с потёртой распиской о погибшей лошади.

Теперь тот работал далеко от дома, пытаясь заработать деньги на собственное хозяйство.

Генрих открыл книгу. Запись о долге семьи Марты всё ещё оставалась незакрытой.

Он сделал пометку о новом прошении и велел проверить права на луг.

Готфрид ждал продолжения.

— Это та самая вдова?

— Да.

— Ей ещё не возместили лошадь?

— Нет.

— Но ведь теперь новый наместник.

Генрих оторвался от записи.

— Наместник не может сделать так, чтобы деньги появились сами собой.

— Значит, ничего не изменилось?

— Изменилось. Её дело не потеряно. Она получила помощь на весеннюю пахоту. Теперь просит луг.

— А лошадь?

Генрих закрыл книгу.

— Лошадь по-прежнему остаётся долгом Ордена.

Он передал письмо молодому писарю.

— Подготовьте запрос управляющему. Нужно выяснить, свободен ли этот луг и не нарушит ли его передача чужих прав.

Готфрид взял перо. Работа продолжилась. Вечером того же дня Рейсс фон Плауэн вернулся в Кёнигсберг.

Он вошёл в замок усталым, покрытым дорожной пылью. Служитель предложил приготовить ванну, но наместник прежде попросил принести письма, поступившие за время его отсутствия.

Среди них находилось сообщение из польских владений.

Королевские служители напоминали о необходимости дальнейшего исполнения условий Торнского мира и ожидали разъяснений по некоторым вопросам.

Генрих внимательно прочитал письмо. На следующий день он созвал совет.

В комнате присутствовали старшие братья, казначей и представители канцелярии.

Наместник положил письмо на стол.

— Нам придётся ответить королю.

Один из братьев нахмурился.

— Мы уже признали мир.

— Этого никто не отрицает.

— Тогда чего ещё требуют?

Генрих объяснил содержание письма. Разговор постепенно перешёл к вопросу о будущем избрании великого магистра.

Один из братьев заметил:

— Орден не может бесконечно оставаться под управлением наместника.

Рейсс фон Плауэн не возразил.

— Не может.

— Значит, необходимо провести выборы.

— Необходимо.

— Тогда почему мы медлим?

Генрих обернулся к собеседнику.

— Потому что новый великий магистр должен будет принять на себя обязательства, предусмотренные миром. И прежде чем выбирать человека, следует ясно понимать, что именно от него потребуют.

Брат раздражённо ответил:

— Мы знаем, что требует король.

— Знаем статьи договора. Но не все братья согласны с их толкованием.

— Значит, нужно обратиться к императору.

— Возможно.

— И к папе.

— Возможно.

Рейсс фон Плауэн говорил спокойно.

Он не отвергал возможности использовать прежние связи Ордена. Но не желал превращать надежду на внешнюю помощь в основание для новых необдуманных обязательств.

— Пока мы будем писать императору и папе, — произнёс Маттиас, — казна не перестанет нуждаться в деньгах.

Один из братьев резко повернулся к нему.

— Вы опять о деньгах!

— Потому что их снова не хватает.

Генрих поднял руку.

— Довольно.

Он посмотрел на присутствующих.

— Мы можем обсуждать честь Ордена сколько угодно. Но если перестанем управлять оставшимися землями, не будет ни доходов, ни гарнизонов, ни самого государства, чьи права мы хотим защищать.

На этот раз никто не возразил сразу. Маттиас развернул ведомость поступлений, и спор о чести невольно вернулся к цифрам.

Наместник продолжил:

— Я не предлагаю отказаться от орденских прав. Но и не стану обещать, что завтра мы сможем вернуть утраченное.

Один из братьев спросил:

— Значит, вы согласны с подчинением польскому королю?

Генрих выдержал его взгляд.

— Я согласен с тем, что мир заключён и его условия нельзя игнорировать. А вопрос о пределах нашей власти должен решаться по договору, а не по желанию каждого из нас.

Брат опустил глаза.

Совещание продолжилось. Было решено подготовить ответ польской стороне и одновременно собрать мнения старших братьев о порядке дальнейшего управления.

Когда участники разошлись, Генрих остался один.

На столе лежала копия Торнского договора. Он открыл её на статьях, касавшихся положения великого магистра.

В этих строках находился вопрос, который пока не получил окончательного решения.

Новый глава Ордена должен был принять власть в государстве, уже не обладавшем прежней независимостью.

Но многие братья продолжали считать великомагистерский титул неразрывно связанным с тем положением, которое Орден имел до войны.

Рейсс фон Плауэн понимал их чувства.

Он сам провёл большую часть жизни в убеждении, что Орден представляет собой особую власть, не подчинённую ни польскому королю, ни какому-либо другому светскому государю.

Теперь договор требовал изменить это представление.

Генрих медленно закрыл документ. Он не боялся принять решение.

Но не хотел, чтобы одна торжественная церемония стала причиной нового столкновения, к которому Орден не был готов.

В конце августа в Кёнигсберге состоялся небольшой приём представителей нескольких орденских владений.

Они привезли сведения об урожае, состоянии дорог и хозяйственных обязательствах.

Наместник принимал их без особой торжественности.

В большом зале поставили длинный стол. На нём лежали карты и книги. Служители приносили документы, а писари записывали ответы.

Среди прибывших находился управляющий из Самбии.

Он сообщил, что урожай ожидается удовлетворительный, хотя некоторые хозяйства по-прежнему испытывают недостаток рабочего скота.

Генрих попросил назвать селения, где положение наиболее тяжёлое.

Управляющий перечислил.

Среди них оказалось и то, где жила Марта.

Наместник внимательно выслушал сообщение.

— Что сделано для помощи таким хозяйствам?

Управляющий рассказал о временной выдаче лошадей и разрешении использовать некоторые орденские луга.

— Достаточно?

— Не всегда.

— Почему?

— Скот приходится делить между несколькими хозяйствами. К тому же люди боятся брать животных, потому что отвечают за их состояние.

— Можно ли установить порядок, при котором ответственность будет зависеть от действительной вины, а не от всякой случайной болезни или несчастья?

Управляющий не сразу понял.

— То есть?

— Если человек погубил лошадь по небрежности, он отвечает. Если животное заболело без его вины, нельзя требовать с семьи полной стоимости.

Маттиас, стоявший рядом, заметил:

— Такой порядок потребует осмотра и свидетельств.

— Значит, предусмотрим осмотр.

Управляющий кивнул.

Решение было записано.

Когда приём закончился, Генрих Рейсс фон Плауэн вышел во двор.

Над замком стояло ясное вечернее небо.

Служители закрывали хозяйственные помещения. Несколько лошадей вели к конюшне. У ворот ожидала повозка с зерном.

Наместник остановился возле стены.

Он вспомнил Людвига фон Эрлихсхаузена. Тот, вероятно, счёл бы подобное совещание слишком мелким для главы Ордена. Но в последние месяцы собственной жизни Людвиг и сам всё чаще возвращался к хозяйственным вопросам.

Генрих подумал о том, сколько сил они потратили на попытки удержать прежнее государство.

Теперь требовалось построить порядок, способный сохранить оставшееся.

Он поднялся в свои покои и разложил ожидавшие ответа письма: из Данцига и Бальги, о долгах перед бывшими наёмниками и об отношениях с польской короной. Затем сел и взял перо.

Ночью Кёнигсберг затих.

В замке погасили большинство огней. На стенах остались караульные. В канцелярии закрыли шкафы, в казначействе убрали книги, в хозяйственных помещениях завершили подсчёт запасов.

Генрих Линде задержался за работой дольше обычного.

Перед ним лежала книга, начатая ещё при Людвиге фон Эрлихсхаузене.

На её первых страницах находились записи военного времени. Далее следовали распоряжения, составленные после заключения Торнского мира. Теперь появились новые документы, подписанные от имени наместника Генриха Рейсса фон Плауэна.

Генрих перелистнул несколько страниц. Почерки и печати менялись, а дела продолжались. Рядом с записью о долге Ульриха Вунша находилось подтверждение соглашения, ниже — прошение Марты из Самбии, дальше — письмо о ремонте мельницы. Все документы принадлежали одному государству, пережившему войну, поражение и смерть своего правителя.

Генрих закрыл книгу. Готфрид, заканчивавший переписывать письмо, поднял голову.

— Вы сегодня какой-то задумчивый.

— Устал.

— Мы много работали.

— Да.

Молодой писарь отложил перо.

— А вы думаете, наместник станет великим магистром?

Генрих обернулся к собеседнику.

— Возможно.

— Он, кажется, не очень хочет.

— Иногда именно такие люди лучше понимают цену должности.

— А если его не изберут?

— Тогда будет другой.

— И всё начнётся заново?

Генрих не согласился.

— Нет. Начинать заново мы уже не можем.

Он поднялся и подошёл к окну. Во дворе горел один фонарь.

Генрих смотрел на узкий круг света, падавший на камни мостовой.

Когда-то Генрих считал, что государство держится на великом магистре, его приказах и способности вести за собой братьев. Теперь он видел и другое основание власти: книги, не исчезающие после смерти должностного лица; признанные долги, даже если уплатить их трудно; возделанную землю и дороги, по которым снова едут купцы; возможность получить ответ на прошение, не отправляясь за ним через всю страну.

Он вернулся к столу.

— Заканчивайте письмо, — сказал Готфриду. — Завтра отправим.

Молодой писарь снова взял перо.

Генрих погасил одну из свечей и начал собирать книги.

В то же время в своих покоях Генрих Рейсс фон Плауэн завершал письмо, предназначенное для польской стороны.

Он перечитал его дважды. В тексте подтверждалось намерение Ордена соблюдать заключённый мир и выражалась готовность продолжать обсуждение спорных вопросов через уполномоченных представителей.

Наместник не включил в письмо никаких обещаний, выходивших за пределы его полномочий.

Он также не стал отказываться от орденских прав, сохранённых договором.

Закончив чтение, Генрих отложил документ.

Снаружи один раз ударили по железу у ворот. Наместник поправил фитиль свечи, чтобы прочесть приписку на нижнем краю листа.

В письме из одного из комтурств просили подтвердить срок выдачи зерна. Подписи хватило бы, но Генрих потребовал приложить данные о прошлогоднем урожае: прежнее обещание снабжения уже однажды осталось на бумаге.

Он отложил письмо к утренним делам и взял чистый лист для распоряжения о проверке осенних запасов.

По коридору прошёл караульный; в комнате было слышно, как он остановился, чтобы поправить скрипевшую дверную петлю.

Наместник посыпал написанное песком и осторожно стряхнул его.

Затем открыл донесение о мельницах, присланное из восточного комтурства.

На полях была пометка управляющего: плотину надлежало укрепить до первых осенних дождей.

Генрих перечитал сумму расходов, вычеркнул предложенную отсрочку и поставил подпись.

Глава 53. Мартин Трухзес

Кёнигсберг — Морунген — Остероде — Вармия. 1469–1477 годы.

К осени 1469 года Генрих Рейсс фон Плауэн привык к тому, что его называли наместником великого магистра. В первое время это слово казалось временным обозначением обязанностей, которые он принял после смерти Людвига фон Эрлихсхаузена. Теперь за ним стояли

два с половиной года работы, в течение которых Орден продолжал существовать без окончательно избранного главы.

За два года служители привыкли приносить Рейссу на подпись документы, которые раньше ожидали решения великого магистра. Однажды он вернул младшему писарю грамоту без печати: в тексте его уже называли великим магистром, хотя капитул ещё не совершил избрания. Юноша испугался, но наместник велел лишь переписать обращение и не трогать остальную часть решения.

Исправленная грамота ушла по назначению в тот же день. Для крестьянина, ожидавшего решения о пашне, эта разница в титуле ничего не меняла; для Рейсса она отделяла доверенную ему службу от власти, которую он ещё не принял.

Накануне вечером к замковым воротам привели пожилого перевозчика из одного из восточных селений. Тот не просил милости и даже не жаловался на дорогу; он только держал в руках обрывок ремня от упряжи. Его подводу задержали для орденских работ, а когда вернули, одна лошадь была искалечена. Начальник перевозок обещал всё исправить после проверки. Перевозчик не знал, сколько проверок ему ещё предстоит пережить: хлеб на его поле уже убрали, осеннюю пахоту начинали соседи, а свою лошадь он боялся запрягать.

Генрих Рейсс фон Плауэн велел пустить человека во двор и послать за конюшим. Лошадь осмотрели при свете факелов. Повреждение оказалось старым и тяжёлым. Наместник слушал не жалобу, а разговор о том, сколько работы может выполнить животное. Он приказал выдать перевозчику временную упряжь и не уводить его со двора, пока тот не получит письменного подтверждения. Когда человек ушёл, у наместника осталось неприятное чувство: для одного решения понадобилось несколько часов, хотя речь шла всего об одной лошади. А наутро следовало обсуждать права целого государства.

В одно из сентябрьских утр он принимал великого комтура Генриха Реффле фон Рихтенберга. Они сидели в небольшой комнате, где обычно разбирали дела, не требовавшие присутствия всего совета. Окно выходило на замковый двор. Там два плотника укрепляли ворота хозяйственного помещения, а возле колодца служитель пытался успокоить лошадь, испугавшуюся упавшего ведра.

На столе между собеседниками лежала копия Торнского договора. Рихтенберг смотрел на неё без особого удовольствия.

— Мы возвращаемся к этому вопросу уже третий год, — произнёс он.

Рейсс фон Плауэн поправил край лежавшего перед ним листа.

— Потому что он никуда не исчез.

— Братья считают, что необходимо закончить неопределённость.

— Я знаю.

— Нам нужен великий магистр.

— Ордену нужен порядок, который сможет сохраняться и после смерти великого магистра.

Рихтенберг опустил взгляд на документ.

— Вы ведь не намерены отказываться от избрания?

— Нет.

— Тогда почему продолжаете медлить?

Генрих Рейсс фон Плауэн устало провёл рукой по лбу. Он не сердился на собеседника. Рихтенберг принадлежал к числу немногих людей, которым можно было говорить прямо, не опасаясь, что каждое слово немедленно станет предметом обсуждения среди братьев.

— Потому что после избрания мне придётся решить вопрос, которого я пока не сумел решить как наместник.

— Присяга.

— Именно.

Разговор оборвался. Они оба знали условия мира. Новый великий магистр должен был признать положение Ордена по отношению к польской короне и исполнить предусмотренные договором обязательства. Для части братьев сама необходимость такой присяги оставалась свидетельством унижения, которое они не желали принимать.

— Вы думаете, если ещё подождать, Казимир изменит условия? — спросил Рихтенберг.

— Нет.

— Тогда чего добиваемся?

Генрих долго молчал. За окном конюх наконец справился с испуганной лошадью. Животное перестало пятиться и позволило отвести себя к конюшне.

— Я добиваюсь времени, — сказал наместник. — В первые месяцы после мира мы едва могли содержать гарнизоны. Теперь часть долгов урегулирована, хозяйства понемногу восстанавливаются. Если бы мы тогда снова вступили в спор с короной, чем стали бы защищать свои права?

Рихтенберг не возражал. Он хорошо знал состояние орденской казны.

— А теперь?

— Теперь мы способны хотя бы вести переговоры, не опасаясь каждую неделю остаться без хлеба.

— Но вы всё равно не хотите присягать.

Рейсс фон Плауэн посмотрел на него.

— Не хочу.

Он произнёс это без раздражения, почти буднично.

— Я служил Ордену большую часть жизни. Видел времена, когда великий магистр распоряжался землями от имени братства и не обязан был склонять голову перед польским королём. Теперь мне предлагают принять эту обязанность как условие моего собственного избрания. Я понимаю, что произошло. Но понимание не делает её легче.

Рихтенберг медленно кивнул.

— А если братья изберут вас?

— Приму решение, которое сочту необходимым для Ордена.

Рихтенберг не стал расспрашивать дальше: наместник положил ладонь на договор, и разговор вернулся к срокам выборов.

В тот же день они вместе рассмотрели вопросы, связанные с подготовкой выборов. Следовало уведомить должностных лиц, установить порядок собрания и выяснить, кто из старших братьев сможет прибыть в Кёнигсберг.

Когда Рихтенберг ушёл, Генрих Рейсс фон Плауэн ещё некоторое время сидел за столом. Ему было известно, что здоровье уже не позволяет переносить прежние нагрузки. Долгие поездки утомляли его, по утрам иногда болели суставы, а после особенно тяжёлых совещаний приходилось отдыхать дольше обычного.

Но он не считал себя человеком, которому осталось только подводить итоги. Напротив, впервые после войны у него появилось ощущение, что Орден получил возможность заняться не сохранением последних укреплений, а устройством мирной жизни.

Наутро он велел проверить, смогут ли прибывшие братья разместиться в замке, не вытеснив из комнат казначейских служителей.

В октябре 1469 года Генрих Рейсс фон Плауэн был избран великим магистром.

Церемония проходила в Кёнигсберге. Собравшиеся братья соблюдали установленный порядок, но внешняя торжественность уже не могла сравниться с тем, что прежде происходило в Мариенбурге. Многие должностные лица находились далеко, часть орденских владений была утрачена, а сокровищница не располагала средствами для больших приготовлений.

Сам Генрих не требовал пышности. Он принял избрание с привычной сдержанностью. Но когда ему подали знаки великомагистерского достоинства, на короткое мгновение задержал руку.

Он вспомнил Людвига фон Эрлихсхаузена. Вспомнил их последний разговор, когда больной просил сохранить Орден и не допустить новой войны.

Генрих не знал, исполнил ли эту просьбу полностью. Мир сохранялся, но ненависть и недоверие не исчезли. Среди братьев оставались люди, считавшие Торнский договор временной уступкой. В некоторых комтурствах молодые рыцари мечтали о возвращении прежних земель, хотя едва представляли, чем закончилась война их старших товарищей.

Когда ему передали знаки достоинства, ближайший брат заметил, как тяжело далось новому магистру простое движение руки.

После церемонии Рихтенберг подошёл к новому великому магистру.

— Ваша милость.

Генрих обернулся. Они знали друг друга слишком давно, чтобы новое обращение не показалось им обоим непривычным.

— Что случилось?

— Ничего. Хотел поздравить.

Генрих устало улыбнулся.

— Вы первый, кто сегодня поздравил меня так, словно действительно знает, с чем.

Рихтенберг рассмеялся, но смех быстро стих.

— Вопрос о короле остаётся.

— Остаётся.

— Придётся отвечать.

— Придётся.

Они прошли в соседнюю комнату, где ожидали служители с документами. Великий магистр сел за стол.

На нём уже лежали письма, которые следовало рассмотреть до конца недели. Генрих взял верхнее. Это было донесение о плохом состоянии одного из мостов.

Он прочитал его внимательно. Рихтенберг, стоявший рядом, некоторое время наблюдал за ним.

— Неужели сегодня нельзя отложить мост?

Генрих поднял глаза.

— Сегодня через него люди ездят так же, как вчера.

Он подписал распоряжение. Весть об избрании нового великого магистра дошла до Остероде через несколько дней.

Мартин Трухзес фон Ветцхаузен выслушал её, находясь в замковой канцелярии. Ему было немногим больше тридцати лет.

Он происходил из рыцарского рода, связанного с франконскими землями, и вступил в Орден ещё молодым человеком. Во время войны ему довелось служить в Пруссии, участвовать в управлении небольшими крепостями и видеть, как рушится прежняя система власти.

В отличие от некоторых старших братьев, Мартин не воспринимал старое могущество Ордена как естественное состояние, которое можно восстановить одним решительным походом. Он слишком хорошо помнил, насколько часто военные распоряжения оставались без исполнения из-за недостатка денег и людей.

Но это не означало, что он примирился с поражением. Напротив, именно невозможность вернуть утраченное простыми средствами заставляла его искать другие пути.

С февраля 1467 года он занимал должность комтура Остероде.

Там ему приходилось управлять землями, расположенными неподалёку от владений, уже перешедших под польскую корону. Он хорошо знал местные дороги, торговые связи, погра-

ничные споры и настроения людей, которым после заключения мира пришлось приспосабливаться к новым условиям.

Мартин прочитал письмо из Кёнигсберга. Затем передал его своему помощнику.

— Избрали.

— Да, ваша милость.

— Долго ждали.

Помощник осторожно заметил, что новый великий магистр, вероятно, продолжит прежнюю осторожную политику. Мартин посмотрел на него.

— А вы считаете, что осторожность — недостаток?

— Некоторые братья говорят, что Орден слишком уступчив.

— Говорить легко.

Он подошёл к окну. Снаружи виднелся небольшой двор. Возле стены стояли повозки, приготовленные для перевозки зерна. Несколько работников меняли изношенные колёса.

— Я видел людей, которые обещали вернуть Мариенбург, — сказал Мартин. — Потом они просили прислать им хлеб. Когда хлеба не находилось, требовали денег. Когда не было денег, говорили о необходимости сохранять честь.

Он замолчал. Помощник ждал.

— Но это не означает, что мы обязаны навсегда отказаться от своих прав.

Мартин вернулся к столу.

— Подготовьте ответ с поздравлением великому магистру. И попросите сообщить, когда он намерен собрать совет для обсуждения отношений с польской короной.

Помощник поклонился. Когда он ушёл, Мартин снова взял письмо.

В нём говорилось об избрании Генриха Рейсса фон Плауэна, но не упоминалось о предстоящей присяге.

Отсутствие упоминания о присяге заставило Мартина сложить письмо не сразу. Он не знал, что решил новый великий магистр, и не намеревался приписывать ему смелость или страх. Но даже поздравление теперь приходилось составлять осторожно: одна необдуманная строка могла прозвучать как совет человеку, который старше его службой и выше должностью.

Сам Мартин считал признание польского верховенства тяжёлым последствием поражения. Однако он не желал превращать это чувство в бесполезную жалобу.

Если Орден хотел изменить положение, ему требовались союзники, деньги и возможность использовать противоречия между соседними государствами.

Пока ничего этого не было в достаточной мере. Мартин положил письмо. За окном начался дождь.

В конце ноября Генрих Рейсс фон Плауэн отправился к польскому двору. После избрания дальнейшее промедление с присягой могло превратить давно известное обязательство в новый политический спор. Он взял с собой немногочисленную свиту и копию мирного договора. Рихтенберг провожал его во дворе Кёнигсбергского замка, когда уже подали лошадей. Оба старались говорить о дороге, но не о том, что ожидало великого магистра в Пётркуве.

— Вы принимаете трудное решение, — произнёс Рихтенберг, проверив ремень дорожного седла. Генрих ответил не сразу. На мокрой брусчатке стучали копыта, а возле ворот слуга пытался удержать плащ от ветра. — Я принял его, когда согласился быть избранным. Не хотел лишь произносить слова прежде, чем пойму, за что отвечаю. — Братья станут спорить. — Они спорили и прежде. Главное, чтобы после моей поездки им не пришлось снова собирать войско.

Первого декабря 1469 года в Пётркуве Генрих Рейсс фон Плауэн принёс присягу Казимиру Ягеллончику, исполнив предусмотренное Торнским миром обязательство. Церемония не изменила привычного устройства орденских владений: комтуры сохранили должности, писари — книги, а люди — свои повинности. Но отныне и сам великий магистр подтвердил зависимое положение Ордена перед польской короной. Генрих не обманывал себя мыслью, будто сделал

это добровольно и с лёгким сердцем. Он сделал то, что счёл необходимым для сохранения мира.

На обратной дороге он почти не говорил о церемонии. В одном из селений путникам пришлось задержаться из-за сломанной оси повозки. Генрих вышел на дорогу и наблюдал, как возница с двумя помощниками поднимают заднюю часть телеги, подкладывают камни и подбирают подходящий кусок дерева для временного ремонта. Рихтенберг, ехавший ему навстречу после получения известий, спросил, удалось ли договориться с королём. — Присягу он принял, — ответил великий магистр. — Теперь нам предстоит исполнять собственные обещания. Не только перед ним.

Вернувшись в Кёнигсберг, Генрих распорядился вновь представить ему незавершённые долговые дела. В канцелярии Генрих Линде отметил получение королевского подтверждения, затем раскрыл книгу прошений. Первым в очереди стояло требование о выдаче зерна из орденского склада в счёт старого долга. Великий магистр поставил решение на полях, не пытаясь скрыть усталость. Казимир находился далеко. Люди, ожидавшие исполнения распоряжений Ордена, — за дверью.

В начале января 1470 года известие о смерти Генриха Рейсса фон Плауэна достигло Кёнигсберга.

Великий магистр умер второго января в Морунгене. Он не успел долго воспользоваться титулом, который принял после двух с половиной лет наместничества. Для многих братьев это обстоятельство оказалось особенно тяжёлым.

Они только привыкли к мысли, что Орден вновь имеет избранного главу, как пришлось готовиться к новым выборам.

Генрих Линде узнал о смерти великого магистра утром. Готфрид принёс ему письмо.

— Из Морунгена.

Генрих вскрыл печать и прочитал донесение. Несколько мгновений он сидел неподвижно.

— Умер? — спросил Готфрид.

— Да.

Молодой писарь опустил глаза. Они оба помнили годы наместничества. Рейсс фон Плауэн не отличался торжественными речами. Его распоряжения часто были короткими, а совещания — утомительными. Он требовал точных сведений, не любил неоправданных обещаний и редко позволял обсуждению уходить от конкретного дела.

Но именно при нём канцелярия постепенно приобрела устойчивый порядок. Теперь Генрих Линде видел перед собой письмо, которым этот порядок вновь ставился перед испытанием.

— Что делать с текущими распоряжениями? — спросил Готфрид.

— Продолжать обычную работу в пределах наших полномочий. А дела, требующие решения великого магистра, отложить до установления нового управления.

Готфрид кивнул. Затем осторожно спросил:

— Опять начнутся споры?

Генрих сложил письмо.

— Вероятно.

— И опять о присяге?

— Она никуда не исчезла.

Готфрид посмотрел на полки с книгами.

— Выходит, сколько бы ни менялись великие магистры, вопрос остаётся прежним.

Генрих не стал отвечать. Он уже достаточно хорошо понимал, что государственные проблемы редко заканчиваются со смертью человека, которому пришлось их решать.

В Кёнигсберге вновь начали готовиться к избранию великого магистра. Среди старших братьев постепенно усиливалось мнение, что на этот раз следует выбрать человека, способного без промедления принять на себя все обязанности, предусмотренные условиями мира.

Им стал Генрих Реффле фон Рихтенберг. Он хорошо знал орденское управление и пользовался доверием многих братьев. Не принадлежал к числу людей, готовых легко отказаться от прежних прав, но понимал, что продолжение неопределённости только ослабляет государство.

Когда его избрали великим магистром осенью 1470 года, он не испытывал особенного торжества.

Кёнигсбергская казна оставалась бедной. Орденские владения постепенно восстанавливались, но доходов едва хватало на текущие нужды. Военные долги продолжали требовать расчётов.

И самое главное — следовало исполнить обязательства перед польской короной.

В ноябре Генрих Рихтенберг отправился к королю Казимиру. Приготовления к поездке вызвали споры. Некоторые братья считали, что великий магистр должен добиваться изменения условий договора прежде, чем приносить присягу. Другие опасались, что промедление приведёт к новым требованиям со стороны Польши.

Рихтенберг выслушал обе стороны.

— Я не собираюсь просить короля о новых правах, которых он нам не обещал, — сказал он. — Но и не намерен отказываться от тех, что записаны в договоре.

Один из братьев возразил:

— Присяга означает признание его власти над нами.

— Это положение уже принято в Торне.

— Но Людвиг заключил договор под принуждением.

Рихтенберг посмотрел на собеседника.

— Мы можем долго рассуждать о принуждении. Однако война закончилась поражением, и с тех пор у нас не появилось войска, способного изменить её исход.

Брат замолчал. Великий магистр продолжил:

— Если хотите вернуть Ордену силу, сначала дайте ему возможность жить.

Он отправился в путь. Дорога через польские земли оказалась непростой. Поздняя осень принесла дожди, холод и грязь. Повозки двигались медленно, лошадей приходилось часто менять.

В Пётркуве, где находился королевский двор, Рихтенберга ожидали представители Казимира. Сам король встретил его сдержанно.

Оба государя хорошо понимали значение предстоящего действия. Для Казимира присяга нового великого магистра означала подтверждение победы, закреплённой Торнским миром. Для Рихтенберга — признание положения, которое многие братья продолжали считать унизительным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.